

Иная реальность (Эксмо)

Линда Лафферти
Проклятие Батори

«ЭКСМО»

2013

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

Лафферти Л.

Проклятие Батори / Л. Лафферти — «Эксмо», 2013 — (Иная реальность (Эксмо))

Графиня Эржебет Батори, родственница самого Влада Дракулы, получила жуткую известность в веках как одна из самых жестоких убийц и истязательниц. Еще поговаривали, что она обрела секрет вечной молодости, принимая ванны, наполненные кровью девственниц. Ее признали виновной пред Богом и людьми и замуровали в крохотной комнате, где графиня умерла страшной смертью. Но ее колдовство, ее черные чары не исчезли вместе с ее черной душой. Никуда не делись и потомки графини, продолжившие носить титул графов Батори. Живя среди нас, они мечтают о возрождении былой мощи и власти. И прекрасно знают: древние тайны дают обильные всходы, если их сбрызнуть свежей невинной кровью...

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Лафферти Л., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Пролог	6
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	31
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	41
Глава 10	44
Глава 11	45
Глава 12	49
Глава 13	52
Глава 14	53
Глава 15	55
Глава 16	58
Глава 17	61
Глава 18	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Линда Лафферти Проклятие Батори

© Кононов М. В., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

*Посвящается моей любимой сестре Нэнси Лафферти Элише
(поскольку Дейзи сказала, что так надо)*

Пролог

*Шарварский замок
Дом конюшего графа Надашди
Западная Венгрия
31 октября 1589 года*

В первые минуты повитуха Агота не заметила ничего необычного. Ее покрытые лиловыми венами руки бережно держали скользкую головку новорожденного. Когда глазки малыша открылись и заморгали в тусклом свете свечи, старуха улыбнулась ему.

– Конечно, мадьяр, – проговорила она, любуясь его глазками.

Мать застонала, ее тазовые мышцы все еще сокращались.

– Глазки у него будут зеленые, как у деда, – продолжала старая повитуха, восхищенно качая головой.

Нынче вечером Шарварский замок будет ликовать – а как же: наконец-то у шталмейстера родился сын!

Но, уже собравшись перерезать пуповину, женщина вскрикнула, вскинув к лицу руки, все еще мокрые от теплой крови. Мать приподнялась, пот заливал ей глаза.

– Что-то не так? – простонала она. – Говори же, Агота!

Старуха покачала головой. Через секунду младенец заплакал – его крошечные легкие заработали, выдав вполне здоровый крик.

Мать протянула руки, прося дать ей ее чадо.

Бросив осенять себя крестным знаменем, повитуха сморщенными пальцами запеленала малыша в чистую льняную пеленку и передала матери. Тот сразу же замолк и уставился в материнские глаза.

– Посмотрите, госпожа! – Сморщенным розовым пальцем Агота раздвинула крошечные губки младенца; тот недовольно пискнул.

И мать поняла, что так встревожило повитуху: за губами скрывался полный набор прекрасно сформированных белых зубиков.

– Это талтош¹, – прошипела старуха. – Один из древних!

Она разжала крепко сжатый правый кулачок младенца, и в маленькой комнатке, до сих пор наполненной запахом пота и родов, раздался ее облегченный вздох.

– Слава богу, только пять пальчиков!

Мать нежно разжала левый кулачок младенца и, обнаружив шестой палец, воскликнула:

– Это знак! Что мне делать? Что с ним будет?

Пламя свечи заколыхалось от прокравшегося под дверь сквозняка. В толстое свинцовое стекло барабанил дождь.

¹ Талтош – венгерский шаман, колдун. – Здесь и далее прим. пер.

– Никому не показывайте вашего ребенка, – сказала Агота. – Если Габсбурги прознают, они вышибут ему мозги.

Раздался стук в дверь. Повитуха и роженица переглянулись.

– Прогони его! – шепнула мать. – Не впускай сюда никого.

Повитуха кивнула и слегка приоткрыла дверь. Там стоял один из конюхов, молодой парень. Он снял шапку; в его темных волосах виднелись солома и овсяная мякина.

– Господин шталмейстер желает видеть своего... простите, это сын или дочка?

Агота замялась и, прежде чем ответить, облизала языком потрескавшиеся губы.

– Скажи господину, что он может гордиться здоровым мальчиком. Но госпожа еще слаба и просит навестить ее позже, когда она будет в состоянии принять его.

Дверь тихо затворилась, и повитуха подождала, прислушиваясь к удаляющимся шагам. А потом тихонько задвинула засов.

Мать прижала ребенка к груди.

– Никто не узнает этой тайны, кроме моего мужа, – проговорила она. – Поклянись мне, что не расскажешь никому и унесешь эту тайну с собой в могилу!

– Клянусь всеми святыми, госпожа, – прошептала старуха. – Талтош – это неземная сила. Будь я проклята, если причиню какой-либо вред этому младенцу, ибо он наделен благословенной магией.

Молодая мать откинула назад свои мокрые от пота волосы и задумалась.

– Притворюсь больной и скажу, что ребенок тоже нездоров. Никому не позволю приходить ко мне.

– Все равно пойдут разговоры, госпожа. Вам надо уехать из этого королевства. Куда-нибудь подальше, – сказала повитуха. – А шестой пальчик я отрежу, сегодня же.

– Бедное дитя!

– Послушайте, госпожа. Церковь или король все равно разыщут его. Да и сами Батори² могут его опасаться. Госпожа Эржебет, вышедшая замуж за господина Ференца, – она очень странная женщина.

– Что ты хочешь сказать?

Лицо старухи перекошилось.

– Она ведет себя жестоко... – Агота оглянулась и прошептала: – В ней больше трансильванского, чем венгерского. Эчедские Батори предадут этого ребенка смерти, потому что боятся могущества настоящего венгерского талтоша.

– Но он же невинен!

Малыш прильнул к материнской груди, тихонько посасывая ее. Она чувствовала только нежное чмокание губ новорожденного, похожее на журчание ручья, и крохотные зубки – будто каменистое дно в волне сладких поцелуев.

– Вам нужно покинуть Шарвар и не возвращаться, пока ребенку не исполнится пять лет. В этом возрасте у нормальных детей вырастают все зубы.

– А палец? Ведь останется шрам...

– Скажете, что ручка попала под колодезную веревку. Или что малыш напоролся на кухонный нож, когда пытался взять со стола морковь.

– Столько лжи!

– Вы должны защитить сына.

Мать кивнула, но лицо ее исказилось страданием.

² Хотя Эржебет была племянницей польского короля Стефана (Штефана), которого в русской традиции зовут Стефаном Баторием, сама Эржебет в русской литературе более известна под фамилией Батори, что соответствует венгерскому произношению. А поскольку в романе речь идет прежде всего об Эржебет, то представляется правильным использовать вариант «Батори», а не «Баторий».

– Следите за знаками, – сказала повитуха. – Он будет видеть то, что нам, простым смертным, видеть не дано. Талтоши способны понимать сны, они живут между миром живых и миром духов. И умеют общаться с животными, особенно с лошадьми.

Молодая мать закрыла глаза.

– Хотя бы за это его отец будет ему благодарен.

Часть первая

Глава 1

Карбондейл, штат Колорадо

31 октября 2010 года

– Дейзи.

Уединившись в своем кабинете и опершись подбородком на ладонь, доктор Элизабет Пэт прошептала имя своей пациентки. Ее мать терпеть не могла, когда она так сидела. «Сядь прямо», – постоянно одергивала она дочь.

Дубовое офисное кресло, которое Элизабет унаследовала от отца, скрипнуло, когда она обвила ноги вокруг ножек. Женщина выглянула в окно на слегка припорошенную снегом гору Соприс.

Пальцами левой руки она рассеянно закручивала свои вьющиеся русые волосы в толстую веревку, опустившуюся ниже ключиц. Мать и это терпеть не могла, называя рукоблудием. «Нехорошо, когда у женщины под сорок волосы опускаются ниже ключиц, а она еще и играет с ними как ребенок! А такие хорошенькие голубые глазки? Ты бы хоть слегка украсила их косметикой! Для чего ты себя бережешь?»

«Мама, – подумала Бетси. – Ну что ты за человек!»

Цифровые часы отсчитали еще минуту – призрачная череда минут таяла на черном фоне. У Бетси, врача-психоаналитика, осталось ровно тридцать три минуты до прихода пациентки. Ей было нечего сказать Дейзи. И нечего ответить ее отчаявшейся матери.

Черт возьми! В голове мелькнул образ отца, и в его небесно-голубых глазах отразилось явное разочарование.

– Прислушайся, Бетси. Постарайся услышать то несказанное, что витает в воздухе.

Да, папа, несказанное; «несказанное» я могу услышать. Но что можно услышать в абсолютном молчании?

Ей требовалось что-то отыскать, хоть что-нибудь, чтобы пробиться сквозь молчание Дейзи Харт. Замкнувшись в себе девчонка отказывалась предложить что-либо, кроме бесконечных вздохов и пожиманий плечами; а ее черные ногти все шире и шире растягивали дырки в ажурных чулках.

Она иногда кашляла, закрывая накрашенные глаза так крепко, что от ресниц оставались следы на скулах. Бетси замечала сверкание одного не выправленного брекетами клыка, нелепо выступающего в ряду безупречно ровных белых зубов.

Сеанс за сеансом в маленькой викторианской гостиной отца Бетси, много лет назад переделанной в кабинет для психиатрической практики, раздавался только сдавленный кашель Дейзи. Венские часы отбивали час, и ее готическая пациентка, так и не вымолвив ни слова, вставала и уходила.

Молчаливая, как призрак.

Дейзи была загадкой, завернутой в черный креповый бант. И ее психиатру пока не удавалось его распутать.

Бетси передвинула на коленях том «Толкования сновидений по Юнгу». Свежесть, чистота. Маргаритки³ символизируют просветление, озарение, отражение солнца.

Имя говорило лишь о настроении родителей, когда девочка родилась, и ничего – о ней самой.

Задумавшись, Бетси приложила к передним зубам большой палец.

Фрейд был склонен интерпретировать символы в сновидениях буквально, но для Юнга это были личные переживания, связанные с ключевым символом.

В струю света из окон осеннем свете Бетси склонилась над своим ноутбуком и на сайте с толкованиями сновидений набрала слово «Дейзи» – «маргаритка». У коллег-психоаналитиков подобное могло вызвать лишь презрительную усмешку – это все равно что читать гороскоп в местной газете.

И все же, когда пациент представляет собой такую загадку, можно было отбросить формальное обучение и дать волю маленькой шалости. Это доставляло особое, греховное удовольствие.

Экран компьютера заполнился рекламой диет – у правого края привлекали внимание слишком исхудавшие и излишне раздобревшие тела. Неоновыми цветами вспыхивали толкования карт Таро.

Если увидишь маргаритку не в сезон, значит, на тебя в каком-то обличье напало зло.

Она посмотрела в окно на увенчанную снежной шапкой гору Соприс и едва заметно покачала головой.

Потом ввела еще несколько запросов в «Гугле».

Толкование снов.

Если приснилось, что гуляешь по заросшему маргаритками полю, – это признак удачи и процветания. Кто-то протянет тебе руку помощи и направит по верному пути.

«Ха! – подумала Бетси. – Направит меня по верному пути! Это здорово. Ведь Дейзи не сможет самостоятельно отыскать туалет».

Тонкие пальцы Бетси снова застучали по клавиатуре. Еще одна попытка.

Символика татуировок – что кроется за татуировками?

Маргаритка – символ сестринства.

Бетси прыснула – отец любил, когда она так смеялась. Смех поглотила тишина пустого дома.

Скоро зима. На ветвях пучками яркого золота трепетали несколько оставшихся осиновых листьев. Опавшие листья, сухие и сморщенные, гонялись друг за другом на улице, порой попадая под колеса медленно движущихся автомобилей и разлетаясь шуршащими ключьями. Еще одна ночь – и все оставшиеся листья увянут, и землю скует мороз.

Бетси отчаянно хотелось выйти на улицу. Осеннее тепло больше не задерживалось в этой части Скалистых гор. Судя по прогнозу погоды, через пять дней должен был пойти снег.

Оставалось принять лишь одного пациента – Дейзи, – а потом она сможет закрыть свой ноутбук и выйти к последним проблескам солнца. Скорее бы, черт возьми!

Еще четверть часа. Она вошла в электронную почту и еще раз прочла короткое сообщение от матери.

Меня не перестают очаровывать Братислава и словацкие сельские пейзажи. Завтра я еду в Чахтицкий замок, где жила печально известная графиня Батори.

Пришлю тебе открытку, дорогая.

³ Имя Дейзи (Daisy) по-английски означает «маргаритка».

Бетси закрыла глаза и закусала палец, чтобы не зарыдать. Как мать может быть такой равнодушной, бесчувственной? Пейзажи ее *очаровывают*? Не прошло и десяти лет, как в той же Словакии в автомобильной катастрофе погиб отец. Как мама смогла туда вернуться? *Очаровывают*? Что за чертовщина произошла с матерью?

Бетси вздохнула. Ее мать, преподаватель истории в университете, полюбила Восточную Европу задолго до того, как вышла замуж за родившегося в Словакии красавца-психоаналитика, последователя Юнга. Несомненно, Братислава, о которой она пишет, – это город XVII века, часть габсбургской Венгрии, сердцевина ее исследований. Смерть отца Бетси не запятнала этот образ. Глаза доктора Грейс Пэт не видят крови мужа, обагрившей эту каменистую землю. Его вдова видит лишь двор Матиаша II, императора Священной Римской империи.

Исследования – вот все, что осталось у Грейс. А Бетси – кто она такая, чтобы отказать ей в этом?

Послышался стук в дверь, а потом удаляющиеся шаги. В окно Бетси увидела хорошо одетую стройную женщину, на вид лет сорока пяти, то есть ненамного старше самой Бетси. Это Джейн Харт, мать Дейзи. И если она пришла – даже чтобы просто постучать в дверь, – это значительное событие. В те несколько недель, когда Дейзи приезжала в Карбондейл, сама Джейн так ни разу и не зашла в кабинет врача, словно боясь заразиться. Она высаживала дочь, а потом, после сеанса, забирала снова, никогда не выходя из машины. «Бойтся инфекции, – думала Бетси. – Как будто, переступив порог, можно подцепить психическое расстройство».

Бетси бесшумно подошла ближе к окну, чтобы услышать, как Джейн ожесточенно спорит с дочерью. Разговоры пациента с матерью – мощный инструмент для психоанализа. Кроме того, это было первый раз, когда пациентка произносила не только односложные слова. Дейзи теребила золотой крестик у себя на шее и упрямо качала головой.

– Не хочу видеть эту психичку, – говорила она. – Я не сумасшедшая. Мне надоело все это дерьмо!

– Я не говорю, что ты сумасшедшая. Но у тебя проблема, и тебе страшно повезло, что в прошлые выходные ты не задохнулась насмерть.

– Вот бы ты обрадовалась!

Джейн пропустила эти слова мимо ушей.

– Посмотри, как ты одета! И еще эта дрянь на губах... Выглядит как размазанный шоколад.

Дейзи вызывающе тряхнула своими черными как смоль волосами, и сердитая гримаса на ее черных матовых губах вызвала глубокие морщины на густо напудренных щеках.

– По-твоему, я должна пользоваться персиковой помадой «трахни меня», как у тебя?

Джейн окаменела, ее руки сжались в кулаки.

– Я сейчас же позвоню твоему отцу! – рявкнула она и вытащила из сумочки рубиново-красный мобильник.

– Папа не имеет к этому никакого отношения!

Бетси заметила, как сорвался голос Дейзи.

Ее мать нажала кнопку вызова.

– Я хочу, чтобы он знал, как ты себя ведешь.

Дейзи выхватила у матери телефон и швырнула на улицу.

– К черту, мама. Я пошла, ладно? Не впутывай в это папу!

Девушка направилась к входной двери, а мать подобрала телефон и последовала за ней.

– Сука! – пробормотала Дейзи.

Бетси привела в порядок бумаги на столе и приготовилась поздороваться с пациенткой.

* * *

– Знаете, Бетси, – начала Джейн, протиснувшись мимо дочери в маленький викторианский кабинет, – с тех пор, как вы занялись Дейзи, дела пошли не лучше, а только *хуже!*

Бетси ответила не сразу. Она заметила, что девушка, замерев на пороге – не внутри и не снаружи, в чем была вся Дейзи, – наблюдает за нею краем глаза. Теперь, когда ее психоаналитик стала объектом гнева ее матери, она стала представлять для Дейзи интерес.

– Как вы ей помогаете? – вопрошала Джейн. – Посмотрите на все эти бумаги и кавардак у вас в кабинете! У меня складывается впечатление, что вы не профессионал...

– А что стало хуже? – наконец проговорила Бетси, отвечая вопросом на вопрос.

Она наблюдала, как мать и дочь посмотрели друг на друга с яростью в глазах. Ни та, ни другая даже не моргнули.

– Что случилось? – снова спросила Бетси.

И снова ни та, ни другая не ответили. Осенний воздух вдруг наполнился оживленной перепалкой по-испански из мексиканской бакалейной лавки по соседству.

– *¿Quiere algo más, Señora?*⁴ – донесся певучий голос.

Бетси жестом пригласила Дейзи войти в кабинет и тихо закрыла за нею дверь. Радостные голоса мексиканцев затихли, и молчание стало зловещим.

– Ну а ты что думаешь, Дейзи? В чем я ошиблась? – спросила Бетси.

Девушка только встряхнула черными волосами, затенявшими ее глаза.

Бетси обернулась.

– А вы, Джейн?

Та начала теревить свои наманикюренные ногти. До Бетси донесся аромат дорогих духов.

– Я не знаю, почему она вам не говорит. Черт возьми, это случилось *снова!*

– Что именно?

Джейн оглянулась на дверь, словно раздумывая, как поскорее убраться отсюда. Потом решительно открыла рот:

– В выходные она едва не задохнулась. Чуть не захлебнулась собственной слюной...

– Доктор сказал НЕ ТАК! – вмешалась Дейзи. – Ты всегда все понимаешь не так, как надо!

Бетси старалась сохранять спокойствие. Наконец хоть что-то прорвалось, что-то заставило ее пациентку проявить истинные эмоции.

– Почему вы не позвонили мне?

Джейн в отчаянии взглянула на Бетси, и в ее глазах мелькнул ужас. Психоаналитик восприняла это как настоящий страх, не притворство.

– Мне пришлось отвезти ее в отделение экстренной медицинской помощи. Ей дали средство для мышечной релаксации, чтобы она перестала давиться. Она ведь не могла дышать!

– Что за препарат ей дали?

– Не помню. Но могу выяснить.

Бетси обратилась к Дейзи:

– Это помогло?

Девушка насмешливо фыркнула.

⁴ Что-нибудь еще, сеньора? (исп.)

– И они что же, не нашли никаких закупорок у тебя в горле? – спросила Бетси, пытаюсь добиться хоть какого-то ответа. – Может быть, это какой-нибудь раздражитель? Горький перец или уксус? Моющие жидкости? Нашатырный спирт?

Дейзи лишь смотрела, злобно поигрывая амулетом на запястье.

– Дейзи, не будь такой невежей! Ответь. Ничего такого не было, – сказала Джейн. – Вы сами знаете. В этом-то все и дело.

– И что же они решили, в чем причина? – спросила Бетси.

Джейн снова стала рассматривать свои ногти. На этот раз ей удалось отколупнуть крапинку лака.

– Сказали, что нервы. Какая-то психологическая проблема. Потому мы и пришли к вам.

– Чушь! Чушь! – закричала Дейзи, топая тяжелым башмаком по паркету. – Мы здесь только потому, что ты считаешь меня странной. И ненавидишь меня и весь готический мир.

«А девочка, оказывается, *может* говорить, – подумала Бетси. – *И еще как*».

Джейн судорожно вдохнула, потом выдохнула, ее изящные ноздри раздулись. Гневно взглянув на Дейзи, она обратилась к Бетси:

– До того как мы переехали в Аспен, она была совершенно нормальным ребенком. Румяным и здоровым, отличной наездницей. Абсолютно нормальной. И у нее было множество друзей. Из того же... социального класса.

Бетси снова посмотрела на мать девушки.

– Джейн, что вы называете нормальным?

– Ну, во всяком случае... не *такое*! Посмотрите на нее! Черная помада, драная одежда, белила, как на покойнике... У нее должен быть румянец от горных походов, она должна общаться с друзьями – нормальными друзьями.

– Мама!..

– И не должна выглядеть как долбаный вампир! Да, да, вот именно!

– Я *не* долбаный вампир. Я – гот!

– Какая разница – вампир, гот... в Аспене и где угодно. Это ненормально. И так... так *outré!*⁵

У Дейзи в глазах вспыхнул огонь. Бетси слышала позвякивание серебряного браслета – амулета у нее на запястье.

– Какого черта! Мне нужно, чтобы я могла ходить с ней в гости без *содрогания*!

– Хорошо, – прервала ее Бетси. – Джейн считает, что у тебя какая-то проблема. А что думаешь ты, Дейзи? Лечение касается тебя, и никого другого. Чего ты хочешь здесь добиться?

Дейзи посмотрела на мать, потом перевела взгляд на психоаналитика и заправила волосы за уши.

Бетси была готова услышать от девушки, что все это – пустая трата времени, что ничего она «добиться» не хочет, что вполне счастлива и так. Может быть, она просто пошлет психоаналитика к черту. И после этого, наверное, не произнесет ни звука в ее присутствии.

Но она ошибалась.

Дейзи устала на своего психоаналитика. Врач и пациент смотрели друг на друга в золотистом свете низкого осеннего солнца.

Потом девушка крепко зажмурилась и глотнула.

– Эти удушья меня задолбали.

Врач заметила, как во рту девушки блеснул и исчез выпирающий клык. Дейзи медленно открыла глаза и посмотрела на свои бледные руки. Когда она снова подняла взгляд,

⁵ Утрированно, преувеличенно, неестественно (*фр.*).

под глазами обозначились длинные черные тени. Бетси пришлось напрячься, чтобы услышать то, что она произнесла.

– Не хочу умирать, – прошептала девушка. – Помогите мне.

* * *

Когда затих шум «Ауди», на которой уехала Джейн, Бетси заметила, как Дейзи в облегчении расправила плечи.

– Я бы хотела, чтобы ты завела тетрадь, – сказала Бетси, – и положила ее рядом с кроватью. Так ты сможешь записывать свои сны.

Пациентка заговорила. Теперь пора двигаться дальше.

– Зачем?

– Сны – это мост к твоему бессознательному. Твои самые сильные побуждения, надежды и страхи часто проявляются, когда сознание спит. Я говорила об этом на нашем первом сеансе, но...

– Но что?

– Ты была так... так закрыта. Теперь пора поработать на совесть. Улучшение начнется с твоего желания общаться. Теперь ты готова к этому.

Девушка пожалала хрупкими плечиками и стала рассматривать носок своего башмака.

– Мне все равно, – пробормотала она.

Бетси попросила Дейзи записать прежние сны, какие та сможет вспомнить.

– А особенно эпические сновидения – те, что словно длятся и длятся, как фильм, а не просто отрывочные сцены.

– Зачем? Почему сны так важны?

– Толкование снов – основной принцип юнговской психологии. Твои сны дают ключ к твоему бессознательному.

Дейзи кивнула, слегка улыбнувшись, и на фоне улыбки снова мелькнул ее выпирающий клык.

– А кошмары? – тихо спросила она. – О них тоже писать?

– Особенно о кошмарах, Дейзи.

Девушка провела языком по губам.

– Интересный этот парень Юнг. Сны, кошмары... Жуть.

Бетси кивнула.

– Сны – это открытый портал в бессознательное.

– А... как насчет души?

– В общем, да. Юнг верил в это. Но моя цель – помочь тебе обрести психическое здоровье.

– И понять, что меня угнетает, верно?

– Да, твои бессознательные тревоги.

Дейзи медленно опустила голову, и волосы затенили ее лицо.

– Круто, – прошептала она.

Глава 2

Чахтицкий замок

Словацкая граница королевской Венгрии

31 октября 1610 года

Через стрельчатые бойницы каменной крепости скупо просачивался бледный-бледный свет. Зузана со свечой в руке поднималась по винтовой лестнице, зажигая погасшие факелы на обледеневших стенах. Неожиданный свет пламени вспугнул копошащихся в темноте крыс, и в морозном воздухе эхом отдалось их противное торопливое топанье.

Откуда-то выскочила кошка и схватила крысу за шею. Испуганный вскрик Зузаны произвел облачко пара, которое медленно растаяло над головой. Кошка, проворчав, потащила свою попискивающую добычу в темноту.

Повсюду кошки. Нашествие кошек! Но даже все они, приведенные ведьмой Дарвулией, никак не могут избавить замок от паразитов. Да и какая разница?

Зузана опаздывала к утреннему туалету своей госпожи. На рассвете было очень холодно, и девушка поежилась. Она поплотнее укуталась в свою грубую шерстяную шаль, ее ободранные руки озябли и болели.

Задняя дверь в туалетную комнату графини неохотно отворилась, и Зузана услышала шуршание покрывал и простыней из спальни позади. Девушка в душе обругала себя за то, что заснула после кошмарного сна, в котором давилась и задыхалась, хватая ртом воздух, как карп на берегу. Даже когда ее глаза распахнулись, она по-прежнему видела облитые кровью стены замка. Девушка с трудом обрела дыхание, и красная кровь постепенно поблекла и снова стала серым камнем.

Зузана поцеловала маленький крестик у себя на шее, и ее обветренные губы зашевелились в безмолвной молитве.

Она была единственной служанкой, которую графиня Эржебет Батори взяла с собою из Шарварского замка в Нижней Венгрии, но ей никогда не позволялось входить во внутреннюю спальню. Ей было предписано находиться в холодном коридоре и в туалетной комнате. Для Зузаны это было благословением, божьим заступничеством, избавившим от переступания порога зла, и каждую ночь она шептала благодарственные молитвы. Некоторые женщины-словачки дразнили ее за отлучение от спальни с оштукатуренными стенами и шелковыми гобеленами. Зузану не пускали туда, говорили они, потому что графиня, просыпаясь, терпеть не могла покрытого рубцами лица служанки.

– Как *ночна мора*⁶ в утреннем свете, когда солнце прогоняет демонов тьмы! – дразнила девушку грудастая Гедвика.

Ночна мора. Кошмар. Деревенские служанки со своим ломаным немецким прозвали ее Ночна Мора – кошмар. Они говорили только по-словацки, не знали ни слова по-венгерски, но графиня терпела их. Те, кто не мог спать на соломенных тюфяках в замке, приходили из деревни до рассвета; они проделывали долгий путь, закутавшись от зимнего снега в свои плащи и остерегаясь рыскавших в темноте волков с янтарными глазами.

Чахтицкий замок высился на скалистом склоне горы, окруженный дикими пограничными землями воинственного королевства Венгрии, где правили Габсбурги. Это был один из аванпостов, оберегавший против напавшей с востока Османской империи. Слишком часто утренний ветерок доносил с тамошних полей брани едкий запах пороха и выжженной земли.

⁶ *Ночна мора* (словацк. *počná mora*) – кошмар. Автор использует словацкое слово *počná*, что неправильно.

Зузана поворошила угли в очаге и подложила хворосту, чтобы разгорелось пламя. Неровные стекла в окнах искажали свет, отбрасывая бледные пятна неправильной формы. Хлопала крыльями какая-то птичка, взлетевшая на рассвете со своего насеста. Служанка, подняв глаза, проследила за ее полетом.

Она взвизгнула, когда разгоревшееся пламя обожгло ей пальцы.

Послышался скрип деревянной кровати и шорох простыней. Служанка будет натирать маленькие белые ступни госпожи серой амброй и умять лавандой, прежде чем надеть на них тапочки из кожи козленка. А Дарвулия даст графине утреннее снадобье и будет читать оберегающие заклинания. Зузана засуетилась, зная, что в любой момент графине Батори может потребоваться все ее внимание.

На накрахмаленных холстах были разложены серебряные расчески, гребни из слоновой кости и филигранной работы зеркало. На туалетном столике выстроились фиалы с благовониями и жестянки с пудрой. Зузана вытащила пробку из хрустального флакона венгерской воды – спирта с верхушками розмарина и серой амброй. Ее бледные губы сложились в довольную улыбку: аромат был неземной, и она знала, что госпоже он понравится. Служанка получала удовлетворение от легендарной красоты графини Батори; в этой красоте была отчасти и заслуга Зузаны – ведь она поддерживала в бархатистом совершенстве фарфорово-белую кожу графини. Свои снадобья Зузана создавала из павлиньего жира и минералов с берегов реки Ваг.

Графиня страшно гордилась цветом своего лица и никогда не открывала кожу прямым солнечным лучам. Скупой свет, что прокрадывался сквозь стрельчатые прорезы и проскальзывал меж краев бархатных штор, – вот и все, что она могла допустить.

Поговаривали, будто графиня смертельно боится солнца.

Вот откуда берутся дурацкие сказки, думала Зузана. Пусть деревенщина в Чахтице шепчет легенды о демонах, а Зузана знала, что лишь тщеславие графини заставляет ее прятаться от солнца.

Ночь была временем для прогулок графини Батори в ее черной лакированной карете или для приема гостей в большом замковом зале. И графиня настаивала, чтобы именно теперь, в этот ранний час, точно разделяющий день и ночь, она совершала свой туалет, когда дневной свет еще слаб и она может рассмотреть свою кожу в зеркале без страха перед грубыми солнечными лучами.

В спальне замурлыкал голос графини, и Зузана напряглась. Оставалась еще одна задача, самая трудная за утро – отполировать зеркало.

Схватив мягкую тряпочку, служанка стала кругами водить ею по своему отражению, словно стараясь стереть его. Сверкающее стекло отражало бледный утренний свет и дразнило девушку. Зузана нахмурилась и заслонила бессердечное стекло, играя в прятки со своим отражением. Наконец, она закрыла свои горящие от слез глаза и отвернулась.

Она была не красива на лицо.

Ее некогда совершенную кожу испортила рубцами оспа, хотя она ускользнула от смертельных объятий этого заболевания, в отличие от своего красавца-брата. Тот умер во время предыдущей волны этого венгерского бедствия за несколько лет до рождения сестры. Болезнь унесла его с посиневшей кожей, и его шумное дыхание уступило душу иному миру. И все же смерть стала милостью – крестьянский парень был уже в саване, когда Батори узнали о его связи с их обожаемой дочерью. Зузана содрогнулась, представив ужасные пытки, которым подвергся бы брат, переживи он страшную болезнь.

В самом деле, оспа оказалась божьей милостью как для брата, так и для сестры. Ладислав успел умереть, чтобы не подвергнуться пыткам, а Зузана, родившаяся прекрасной, как рассвет, была так обезображена, что деревенские жители отворачивались при встрече. Если незнакомые встречали ее на дороге, то сердито поглядывали и крестились, чтобы отогнать

зло. Городской дурачок, глумясь, швырял в нее камни. Но ее несчастье привлекло внимание могущественной графини Батори, которая пожалела обезображенную девочку, как можно пожалеть щенка дворняжки.

И все же словацкие служанки дразнили ее безжалостно, когда поблизости не было госпожи. Зузана молча сносила их насмешки, особенно жестокие из уст Гедвики.

«Только дьявол мог так глубоко выжечь свой образ в твоей коже».

Неужели она так безобразна? Ее ярко-синие глаза по-прежнему сверкают из-под густых черных ресниц, волосы лоснятся желтым льном, но служанки замечали только рубцы от оспы – и насмехались.

Услышав скрип петель, Зузана засунула тряпку в карман передника⁷.

Свита из служанок сопровождала графиню только до двери. Им было запрещено входить в туалетную комнату, и Зузана знала почему: Эржебет Батори терпеть не могла видеть милостивых девушек рядом с собой в зеркале.

Графиню сопровождала только одна доверенная особа – хорошенькая темноволосая Вида. Она помогала госпоже усесться на подушку, а потом расправляла тяжелый шлейф бархатной мантии по ковру на полу. Эта служанка держала голову склоненной и не поднимала глаз.

Графиня взглянула на серебряные расчески и флаконы с маслами и снадобьями. Ее украшенная драгоценными перстнями рука пробежала по гребню из слоновой кости, погладила ручное зеркальце, серебряный горшочек с краской для губ, и ее губы удовлетворенно изогнулись.

Вида опустила на колени, чтобы разгладить край бархатного шлейфа на полу, а потом молча вышла.

Графиня откинулась в кресле. Зузана присела в поклоне, почтительно склонив голову.

Холодной белой рукой графиня взяла служанку за подбородок и принялась рассматривать ее лицо. Девушка задрожала от прикосновения госпожи. Графиня рассмеялась, и ее белые зубы сверкнули в ярком свете факелов.

– Мое маленькое чудовище, – проворковала она, все еще держа девушку за подбородок. – Как восхитительно ты безобразна! Не то что твоя очаровательная подруга, *слечна*⁸ Вида.

– Да, госпожа, – ответила Зузана, глядя в ее янтарные глаза. – Я живу, чтобы служить вам, моя графиня.

– Да, – сказала Эржебет, ставя служанку рядом с собой, чтобы та посмотрелась в зеркало. Зузана зажмурилась. – Открой глаза, моя киска.

По приказу госпожи девушка широко открыла глаза и увидела в серебряном зеркале свое отражение рядом с лицом графини.

– Как думаешь, я все еще красива? – спросила госпожа, глядя на себя в зеркало и поворачивая подбородок вправо и влево. Взгляд ее был детским и задумчивым, кошачьи глаза обрамлялись черными ресницами.

Зузана не колебалась ни мгновения.

– Конечно, госпожа, от вашей красоты захватывает дух у всех, кто на вас смотрит. Вы – прекраснейшая женщина во всей Венгрии!

Графиня бросила на нее презрительный взгляд, ее изогнутые брови сдвинулись над тонкой переносицей, а Зузана, испугавшись, сбивчиво добавила:

⁷ Анахронизм: в 1610 г. еще не были придуманы карманы.

⁸ *Слечна* (словацк. slečna) – девушка, барышня.

– И во всей Священной Римской империи, и за ее пределами, госпожа. Прекраснее, чем самая юная дева в христианском мире и далеко за пределами восточных царств. Я не сомневаюсь в этом.

Лицо графини смягчилось, и она снова взглянула на себя в зеркало. Ее кроваво-красные губы сложились в улыбку, обнажив ровные белые зубы. Зузана ощутила, как по спине пробежал холодок.

– Но мне ведь уже пятьдесят, – заметила графиня, рассматривая свое отражение.

– Ах, графиня! Не в зеркале. Посмотрите на белую кожу и сверкающие глаза! Как они влекут ваших воздыхателей объять эту красоту!

Девушка взяла серебряную расческу, сияющую в свете факелов, и размяла о ладонь свиную щетину, сгибая жесткие волоски туда-сюда, пока те не стали мягкими.

– С вашего позволения, графиня...

Госпожа почти незаметно подняла подбородок. Зузана стала расчесывать длинные темно-рыжие волосы, стараясь не потянуть за какой-нибудь случайно спутавшийся комочек. Эржебет Батори закрыла глаза и застонала, ее длинные бледные пальцы переплелись на коленях.

– Ах, Зузана, – прошептала она. – Если б ты была прекрасна... как твой брат.

Прекрасна? Ее слова вызвали в девушке новое содрогание. Графиня заметила легкую дрожь в движении расчески и взглянула на обезображенное оспой лицо служанки.

Слава богу, теперь Зузана была далеко не красавицей.

Глава 3

Карбондейл, штат Колорадо

19 ноября 2010 года

– С нетерпением жду начала сеанса, – сказала Бетси. – Ты принесла тетрадку со снами? Взгляд Дейзи казался остекленевшим и направленным в никуда. Она ничего не ответила.

Бетси задержала дыхание. «Только не снова», – подумала она.

Дейзи вошла в кабинет, как сомнабула. И тут заметила Ринго, беспородную овчарку, свернувшуюся на вязаной подстилке у теплой печки. Впервые за несколько месяцев Бетси пустила пса в кабинет.

Девушка расслабила мышцы, свет вернулся в ее глаза, и ямочки сморщили белила на щеках.

– Роскошный пес! – воскликнула она, протянув руку к его носу. – Можно его погладить?

– Конечно, – ответила Бетси, дивясь такому преображению. – Это большой ребенок.

Ринго лизнул девушке руку. Ласковый и нежный, он, однако, не очень любил лизаться, и Бетси удивленно наморщила лоб.

Пес забил хвостом, словно узнал Дейзи. Потом лизнул белое лицо, и Бетси ощутила укол ревности.

– Он никого не лижет в лицо. Даже меня.

Ринго сел, по-прежнему норовя лизнуть девушку, и та вытянула шею.

– Странно. Он как будто тебя знает.

Дейзи зарылась лицом в его шерсти, и Бетси заметила блеснувшие в ее глазах слезы, когда она пригладила уши Ринго к голове.

Сеанс начался разговорами о собаках, и это была самая долгая беседа, какие когда-либо вели доктор с пациентом.

– Когда мы жили в Нью-Йорке, у меня была немецкая овчарка, – рассказала Дейзи. – У нас было несколько собак, но Роско был мой. Он спал у меня в постели и бегал рядом с моей лошадкой на охоте.

– Расскажи мне о верховой езде.

– Раньше я любила ездить верхом. Много ездила. Участвовала в многодневных соревнованиях по конкуру, кроссу и прочему.

– А почему теперь бросила?

– Здесь у меня нет лошади, и я... Я потеряла интерес. Теперь это не мой мир, – ответила девушка, отворачиваясь, и ласково посмотрела на Ринго.

– А каков теперь твой мир?

– Готический, – ответила Дейзи, и ее голос утратил мягкость. Измученный взгляд заслонила юность, которая несколько минут просвечивала сквозь ее макияж.

Бетси подозвала Ринго. Он положил голову на колени хозяйке, и та принялась почесывать ему уши.

– Что значит готический?

Дейзи сдвинулась в кресле, перенося свой вес.

– Это смотря кто определяет, что это.

– А ты? Как ты определяешь?

– Например, музыка. Я не очень сильна в этом, разве что Джим Моррисон и «Дорз», старые композиции... Хеви-метал забудьте. Но это сцена для готики.

– И что еще?

– Черная одежда, заостренная прическа, макияж. Все такое. Но главное – это избегать поверхностного мира, пытаться заглянуть за поверхность. Принять мир теней, а не запирать портал, как поступают большинство людей.

Ручка психоаналитика зависла в воздухе.

– Мир теней?

Дейзи намотала на палец прядь крашенных черных волос, точно так же, как часто делала Бетси.

– Пролить свет на прошлое... – ответила она; отчаянное усилие говорить, похоже, измучило ее. Она закашлялась, но с трудом закончила фразу: – В темный туннель. По ту сторону – темнота, и в ней не видно, кто мы на самом деле. Кем мы могли быть раньше.

Бетси заставила себя заглянуть в тетрадь. Она ожидала услышать тираду против господствующей культуры, в защиту альтернативного стиля жизни. Ожидала восстания, бунта.

– Тебе не кажется, что ты все это делаешь, чтобы просто позлить свою мать? – спросила она.

Дейзи медленно улыбнулась, ее язык непослушно нащупывал восставший зуб. Ринго встал и покинул хозяйку, направившись к протянутой руке пациентки.

– На самом деле нет. – Она пожала плечами. – Ну, может быть, и это тоже, но главное в другом. Я просто пытаюсь сосредоточиться.

– Сосредоточиться на чем?

Дейзи уронила руку с груди Ринго. Скуля, он совершил три круга и в конце концов свернулся у ее ног.

– На шепоте, на голосах тех, кто жил раньше. Чтобы услышать волны прошлого. И... – Она говорила, напрягая лицевые мышцы. – На поиске собственной души.

Бетси кивнула. Ее сердце колотилось. Дейзи словно цитировала самого Карла Юнга.

Бетси приготовила две чашки пряного чая с медом, и Дейзи тихо пила, оглядывая комнату.

– Да, кстати... Мне придется уехать. Я буду скучать по еженедельному сеансу с тобой, но мы можем провести два сеанса неделей раньше моего отъезда или потом, когда вернусь. Я загляну в свое расписание.

Дейзи бросила на нее встревоженный взгляд.

– Уезжаете? – проговорила она, кусая ноготь.

– Всего на несколько дней, – ответила Бетси, заметив, какой эффект произвели ее слова на пациентку.

Дейзи кивнула и замерла на несколько мгновений. Ее глаза остановились на книжных полках кремового цвета, протянувшихся от пола до потолка.

– У вас так много книг... Вы все их прочли?

– Нет, не все.

– С виду старые, – пробормотала Дейзи. Она встала и провела пальцем по корешкам, проверяя ногтем потрескавшуюся кожу.

Бетси вздрогнула, но ничего не сказала.

– Кожа. Как запылится. Какие-то древние книги. Откуда они у вас?

– Достались по наследству, – ответила Бетси, глядя в окно на трепещущие ветви осины.

Дейзи наклонила голову, чтобы прочесть названия, и остановилась на тонкой книжке в матерчатом переплете. Она стала вытаскивать ее с полки, потом остановилась.

– Юнг?

Бетси кивнула.

Дейзи попыталась прочесть название на корешке, но сразу запуталась.

– *Synchronizitat... Akausalitat...* Что за хрень?

– Это по-немецки. «Синхрония: принцип беспричинной связи». Когда-то у нас было первое издание. Но потом куда-то пропало.

– И что это значит? – спросила Дейзи, задвигая книгу обратно.

Бетси понимала, что нужно направить беседу в другое русло, но не хотела рисковать: пациентка могла опять замкнуться в себе, вернуться к угрюмому молчанию.

– Синхрония была теорией Юнга. Это идея о двух или более событиях, которые происходят вместе без очевидной связи друг с другом.

Девушка наморщила накрашенный белилами лоб:

– А *это* что значит?

– Ладно. Скажем, ты слышала, как твой мобильник утром звонил четыре раза, но когда ты берешь трубку, никто не отвечает. А потом днем ты проезжаешь четыре светофора, и все, один за другим, загораются зеленым, и никогда раньше с тобой такого не случалось. В школе разыгрывается лотерея; ты выбираешь номер 4444 и выигрываешь. Никакой причинно-следственной связи, но здесь может быть заложен глубокий смысл.

– Готика, – сказала Дейзи, закатывая подведенные глаза. – Абсолютная готика.

– Интересно, а что бы ты сказала...

Дейзи обернулась к книжным полкам.

– Значит, вам они достались по наследству? От кого?

– От отца. – Бетси с трудом сглотнула. Почему теперь *она* задает вопросы?

Рука Дейзи зависла в воздухе, а потом, дрожа, опять опустилась. Девушка через плечо уставилась на Бетси.

– А ваш папа тоже был психом? То бишь психиатром.

Бетси прижала язык к небу, заставляя себя помедлить. Ей хотелось ответить: «Мой отец был знаменитым психиатром. Он был величиной в этом деле, окончил Институт Юнга в Цюрихе и преподавал в Институте Юнга в Вене. К нему обращались несколько известных во всем мире семей. За закрытыми дверями психиатрических клиник он работал с пациентами, страдавшими серьезными психозами».

«*Он был гений*», – хотелось ей сказать.

– Да, он работал в области психологии. Дейзи, пожалуйста: нам ведь нужно поговорить о тебе.

– Хорошо, хорошо.

С тяжелым вздохом девушка рухнула в кресло и взяла чашку с чаем. Заглянула внутрь и поднесла ее к губам, заслониив лицо. Бетси видела только блеск белой кожи сквозь прядь крашенных черных волос.

– Какие у тебя отношения с матерью?

Дейзи посмотрела через край чашки, и ее взгляд ожесточился.

– А по-вашему, какие? Вы ведь видели нас. Как у кошки с собакой.

– И кто из них твоя мать? Кошка или собака?

– О, конечно, кошка, – кивнула девушка. – Да. Кошка.

– Почему кошка?

– Не знаю. Собаке можно доверять. А кошки... не такие. А моя сестра Морган еще больше кошка.

– Значит, ты считаешь, что доверять матери и сестре нельзя?

Дейзи скривила рот.

– Такого я не говорила, Бетси.

– А ты? Ты собака?

– Безусловно, – ответила она, лаская Ринго носком башмака. – Я просто верная собака. Бетси сделала пометку в блокноте, ее ручка заскользила по белому листу.

Зазвонил мобильник.

– Ты забыла выключить свой телефон, – заметила Бетси.

– Да, простите. Придется ответить.

Дейзи вытащила из сумочки черный айфон. Потом еще один телефон – рубиново-красного цвета.

– Алло?.. Папа, я не могу сейчас говорить... Да... Я перезвоню позже.

Бетси заметила, как ее пациентка вздрогнула.

– Не знаю... Потом. – Дейзи с силой нажала кнопку конца связи, словно стремясь раздавить ее.

– Отец?

– Да. Это больше не повторится. Я забыла выключить его телефон.

– Его?

Дейзи замялась.

– Он хочет, чтобы этот был всегда при мне, все время. В нем есть устройство, следящее через GPS. Так он знает, куда я двигаюсь по Роринг-Форк-Вэлли⁹. Большое дело. Он дополнительно платит мне за то, чтобы телефон всегда был при мне.

– Разве он живет не на востоке?

– Да, но он *такой* чудак. Это часть условий развода. Он хочет поддерживать со мной связь.

Она прикрыла рукой рот и тяжело закашлялась, ее горло было переполнено мокротой. Бетси протянула ей коробку с салфетками.

– Выплюни, Дейзи. Давай, не стесняйся.

– Это неприлично, – ответила девушка, подавляя кашель.

– Зато полезно для здоровья. Так делают спортсмены. Не глотай, а сплюнь.

Не обращая внимания, Дейзи тяжело глотнула.

Бетси наблюдала, как она пытается прокашляться, а потом, когда решила, что кашель прошел, спросила:

– Почему ты считаешь, что твой отец...

Дейзи отвернулась.

– Мне не хочется сейчас обсуждать отца, ладно?

Бетси поняла, что Дейзи сейчас на грани терпения.

– Ладно. Поговорим о чем-нибудь другом, – сказала она, просматривая свои заметки. – Ты говорила, что слушаешь волны прошлого. Твоего прошлого?

– Нет. Нет, давнего, очень давнего. Мне снится какой-то замок. Он вздымается до небес с уступа скалы. Как в фильме про Дракулу. Очень готический, правда?

– Продолжай.

– Красные бархатные портьеры. Тяжелая темная мебель. Огромные сундуки с большими железными петлями. И странный запах, будто...

– Будто что?

– Будто из кошелька. словно от трущихся друг о друга монет. Металлический.

Бетси подробно записала слова девушки.

– Что-нибудь еще?

– Еще вижу лошадей. В большинстве снов.

– Лошади успокаивают тебя? Или они угрожают?

– Обычно успокаивают. Но иногда они пугаются, встают на дыбы и ржут, словно учуяли огонь.

– Они бросаются на тебя?

– Нет, нет, никогда. – Дейзи помолчала. – Наоборот, они предостерегают меня.

⁹ Роринг-Форк-Вэлли – долина реки Роринг-Форк, где находятся Карбондейл и Аспен.

Глава 4

Деревня Чахтице, Словакия

28 ноября 1610 года

Заляпанная грязью крытая повозка дернулась и остановилась на окраине деревни Чахтице. Поперечная дорога вела вверх по холму к маячившему на фоне неба серо-белому замку.

Лошади фыркали, и в морозном воздухе поднимались облака пара. Кони нервно подсакивали, закусывая удила и выкатывая глаза.

– Тихо! – успокаивал их кучер. Медные фонари с обеих сторон повозки неистово раскачивались, стуча по дереву.

– Седок Сильваши, выходите! – крикнул кучер.

Со стен замка сорвалась целая стая воронов. На их крики пронзительным ржанием откликнулись лошади, одновременно привстав на дыбы и острыми копытами рассекая воздух.

– Выходите же! – снова крикнул кучер, натягивая вожжи.

Янош Сильваши выскочил из кареты и бросил свой мешок на снег.

– Дай мне успокоить их, – крикнул он кучеру, подходя к лошадям.

– Прочь! – сказал тот. – Они тебя зашибут! Держись подальше от кобылы...

Встав справа от бьющих копытами лошадей, Янош издал тихий свист. Теперь кобыла не могла видеть воронов и, беспокойно раздув ноздри, смотрела на приближающегося человека.

– Тихо, тихо... – убаюкивал ее Янош, словно беседовал с ребенком. И снова тихо посвистал.

Кобыла опять встала на дыбы и огласила долину громким ржанием.

– Не подходи! – крикнул кучер.

Но Янош не слушал. Он подходил все ближе и ближе к лошади, потом медленно положил руку ей на шею, что-то тихо приговаривая и искоса поглядывая.

Шкура на шее лошади дрожала под его рукой, как поверхность озера, потревоженная брошенными с берега камнями. Кобыла успокоилась, и сбруя не стала так звенеть. А Янош продолжал говорить с нею, и его дыхание взлетало маленькими клубами тумана в холодном воздухе.

Кобыла расслабила напряженную шею и медленно опустила ухо ближе ко рту человека.

– Что ты там говоришь моим лошадям? – с подозрением в голосе спросил кучер. – Видно, творишь заклинания, накладываешь на них чары? Отойди от коней.

– Отстань от него, дурень! – крикнул тощий седок, вытянув шею из окна. – Эти лошади перевернут повозку и всех нас угробят!

Янош не отрывал взгляда от кобылы. Он встал перед ней, рискуя получить удар ее мощной передней ногой – такой удар мог запросто сломать его собственную ногу. Янош ощущал теплое дыхание второй лошади, гнедого мерина, и попытался дотянуться рукой до его морды. Он погладил его по груди, а потом переместился вправо от повозки и повернулся лицом к крутому подъему.

– Заклинатель лошадей, – проговорила женщина в платке, выглядывая из окна. Она отпихнула мужа, чтобы лучше видеть.

– Спасибо, господин хороший, – сказал кучер и шумно выдохнул, ощутив, как ослабли вожжи. – Ловко вы управляетесь с лошадьми. – Он вытер нос ободранным рукавом. – Графиня будет рада вам.

– Надеюсь, – ответил Янош и кивнул в сторону лошадей. – Это что же, вороны, что ли, так их напугали?

Кучер покачал головой и поманил его к себе.

– Когда мы проезжаем мимо Чахтицкого замка, они всегда потеют и встают на дыбы, будь то ночью или днем, – прошептал он.

Янош заметил, что рука кучера в перчатке без пальцев дрожит, и ощутил запах сливовицы. Кучер достал из кармана серебряную фляжку и предложил ему глотнуть.

– Успокоит нервы перед знакомством с Чахтицким замком.

Но Янош покачал головой.

Кучер пожал плечами и приложился сам; его тело размякло, когда жгучий напиток начал согревать горло.

– До наступления ночи мы должны добраться до Бецкова. Всего доброго, седок Сильваши!

Янош отвернулся.

– Но-о! – крикнул кучер, слегка стегнув коней вожжами. Колеса подняли замерзшую грязь, и Янош остался на обочине один.

Оставшиеся в повозке седоки в ужасе провожали глазами человека, с которым проехали через венгерские равнины до этого удаленного укрепления на отрогах Малых Карпат.

Женщина в платке перекрестилась и произнесла беззвучную молитву, потом поцеловала пальцы и вытянула их в морозном воздухе в сторону молодого господина Сильваши.

Проводив взглядом исчезающую вдаль повозку, Янош взял свой мешок и посмотрел на укрепленный замок на скале, возвышающийся над горными вершинами. Вороны все еще каркали, кружа в вышине над крепостью.

– Не дай ей перехватить твой взгляд, заклинатель лошадей, – предупредил какой-то старик, появившийся на дороге со стороны темного соснового бора. На своей костлявой спине он нес вязанку хвороста. Незнакомец говорил на ломаном немецком.

– Простите?

– Злая ведьма наложит на тебя чары, – сказал дровосек и плюнул. – Эта венгерская колдунья – воплощение дьявола.

Янош положил руку в шерстяной рукавице старику на плечо.

– Прошу, скажи мне, господин, что ты знаешь о графине?

Старик хмыкнул и встряхнул свою ношу на спине.

– Откуда мне знать, что ты не венгерский шпион, подосланный этими Батори?

– Ты прав, я венгр. Видно, меня выдает мой немецкий?

Старый словак рассмеялся.

Янош скинул с плеча мешок и достал флягу вина.

– Выпей, дедушка. Это последнее, что у меня есть, но я поделюсь с тобой. Ты ведь расскажешь мне о графине? Клянусь честью моей семьи, я никому не скажу.

Старик снова встряхнул свою вязанку. Несмотря на холод, по его грязному лицу стекали струйки пота.

– Моим костям не помешал бы отдых. Так и быть, отведаю твоего вина...

Янош отчетливо почувствовал запах стариковского тела, когда тот поднял и опрокинул флягу, чтобы выпить. Оторвав горлышко от губ, дровосек рыгнул и улыбнулся, на глазах его выступили слезы.

Янош еще не встречал словака, который посмел бы заговорить о графине. Он пытался добыть сведения от своих попутчиков, но те только выпячивали на него глаза и молчали. При одном упоминании о Батори дородная матрона скрещивала пальцы, чтобы оберечься от дурного глаза, и не давала мужу вымолвить и слова о таинственной женщине.

А этот старик был готов рассказать.

– Некоторые женщины – молодые девушки, – которые пошли служить ей, так и не вернулись, – прошептал он и провел языком по губам в поисках остатков вина, потом вытер губы рукавом. – Хорошие были девушки. Когда они были маленькие, я щипал их за щечки и смотрел, как они играют на деревенской площади. А теперь их нет, – вздохнул старик, – и я не попляшу у них на свадьбе.

– Что ты имеешь в виду, говоря «их нет»?

– Нет – оно и значит, что нет. Исчезли. Но никто и пикнуть не смеет – разве что деревенский проповедник, добрый лютеранин, с божьим чистым гневом в душе. Все сельчане боятся говорить, даже отчаявшиеся матери, которые не могут заснуть без плача. А графиня сочиняет сказки о том, что девушки якобы отправились служить в другие ее замки или в ее дом в Вене.

– Откуда ты знаешь, что это не так?

– Никто никогда больше о них не слышал.

* * *

Стражники заметили Яноша задолго до того, как он подошел к стенам замка.

– Кто идет? – крикнул один из них по-немецки.

– Янош Сильваши, конюший из Шарварского замка Надашди. Явился на службу графине Батори.

Стража ожидала Сильваши уже две недели. Ему опустили доску для пешеходов.

– Господин Сильваши, добро пожаловать в Чахтицкий замок, – сказал начальник стражи, поправляя шляпу на седых волосах. Он был безупречно одет: красный камзол до бедер, черная шерстяная шляпа и меч на боку. На кожаных сапогах не было ни следа навоза, соломы или темных пятен от лошадиного пота. Янош нахмурился, глядя на его сверкающую обувь.

– Меня зовут Эрно Ковач, – продолжал стражник. – Я командую стражей замка. – Он не протянул руки. – А на вид ты слишком молод для конюшего.

Стражник пристально разглядывал пришельца; его серые глаза пробежали от изношенных сапог до выдавшей формы шапки.

– Когда во время Оттоманских войн моего отца отправили обучать кавалерию нашего короля Рудольфа, я занял его место в Шарварском замке. Я достаточно искусен, стражник Ковач, – ответил Янош вызывающим тоном. – По поручению графини меня отозвали из Шарвара, чтобы служить ей здесь.

Эрно Ковач посмотрел на светловолосого молодого человека, на щеках которого еще не отцвел румянец юности. Неужели этот юноша и в самом деле имеет власть над лошадьми, которой обладал его легендарный отец? Или графиня вызвала его из-за его смазливого лица и особенно из-за юности?

– И где же нынче твой отец?

– В Вене, объезжает белых испанских жеребцов для короля Матьяша.

Ковач хмыкнул.

– Следуй за мной, Сильваши. Я провожу тебя в конюшни. Иржи, пошли графине известие, что прибыл ее конюший.

– Есть, капитан.

К гранитным блокам стен замка пристала паутина изморози. Конюший со стражником вышли из арки в оживленный двор. Стайки цыплят клевали булженик, выискивая червей. Мясники потрошили подвешенных на крюках поросят и передавали ведра с кишками колбаснику, который отбирал подходящие части для своей колбасы, счищая слизь в канаву на прокорм собакам и воронам. Сверкали ножи фермеров, обрезавших кочаны капусты, острые

лезвия отрубали жесткие внешние листья и кочерыжки. Молочник вытаскивал свои товары из деревянной телеги и предлагал дородной поварихе. Та стояла, упершись руками в широкие бедра, а он нахваливал свои продукты, разворачивая холщовую ткань, чтобы повариха могла самолично проверить горшки с маслом и колеса свежего сыра.

Дети гоняли по вымощенному булыжником двору гусей и с визгом разбегались, когда гусак с шипением набрасывался на них, норовя достать острым желтым клювом и хлопая мощными крыльями.

На огромном вертеле жарилась баранья туша, и жир с шипением и искрами капал на угли. Языки пламени лизали мясо, распространяя в воздухе густой аромат. Кузнец бил по своей наковальне, и звуки молота разносились по всему двору. Кусочки расплавленного железа взлетали, светясь желто-оранжевым цветом и оставляя отметины на потертых камнях двора.

Янош шел за стражником в конюшни. Перед сводчатым входом выстроилась ватага оборванных мальчишек. Несмотря на холод, над кучами теплого навоза жужжали жирные ленивые мухи, и в нос Яношу ударила вонь застарелой конской мочи.

– Добро пожаловать в ваши владения, конюший, – объявил начальник стражи, широко взмахнув рукой.

Янош сморщил нос и сжал челюсти так, что под кожей заиграли желваки.

– В каких условиях содержат коней Батори! – воскликнул он, гневно возвышая голос и оборачиваясь. – Кто за это отвечает?

Вперед вышел один мальчик постарше с измазанным грязью лицом.

– Я, господин. За конюшни отвечал мой дядя, пока не заболел во время мора. Он умер две недели назад. – Мальчик провел рукавом под своим сопливым носом.

Янош затрясся от негодования, кисти его рук крепко сжались в кулаки.

– Вывести лошадей. Живо!

Одну за другой лошадой Чахтицкого замка вывели во двор, вымощенный деревянными торцевыми шашками. Всего лошадей насчитывалось двадцать семь, и было очевидно, что ни за одной не велось надлежащего ухода. У некоторых виднелись нарывы на спине, в ранах гноилась вздувшаяся плоть, копыта потрескались. Некоторые хромали от волдырей на бабках, вызванных долгим стоянием на промокшей от мочи соломе. У двух гнедых кобыл гнила стрелка¹⁰. Когда Янош приподнял их копыта, то увидел сочащуюся плоть и ощутил запах гниения.

Последнюю лошадь три мальчика вывели вместе.

Белый жеребец вставал на дыбы, колотя по воздуху передними копытами. Его глаза выкатились, а пронзительное грозное ржание эхом отражалось от стен замка. Мальчики тянули его за веревки, стараясь прижать к земле.

Жеребец, как и остальные лошади, истощал, несмотря на еще мощные шейные мышцы.

– Несчастные лошади голодают! – воскликнул Янош. Краем глаза он заметил какое-то движение в одном из окон замка, но его внимание быстро вернулось к лошадям.

– Мы их кормим, но у них нет аппетита, – сказал старший мальчик.

Янош внимательно посмотрел ему в глаза. Они блестели от лихорадки.

– Кони воротят нос от сена и предпочитают голодать, – продолжал тот.

Янош видел бусинки пота на его лице, щеки ярко горели, глаза остекленели.

– Как тебя зовут?

– Алойз, господин.

– Алойз, ты ведь болен.

¹⁰ Стрелка копыта – нижняя внутренняя часть копыта.

– Да, господин Янош, – ответил мальчик, переминаясь на обмотанных тряпьем ногах. – Но не прогоняйте меня, прошу вас. Мне нужно кормить семью, иначе и мы будем голодать.

Янош кивнул.

– Где сено?

Алойз кивнул на сеновал под дырявым навесом. Сено промокло, местами почернело и заплесневело, в нем блестела паутина.

– Графине еще повезло, что у нее вообще остались лошади!

К Яношу подошел начальник стражи.

– Графиня велела передать вам вот это. – Ковач протянул ему черный плетеный кожаный хлыст, он блестел на солнце. Янош наморщил лоб.

– Что это? Я не собираюсь бить этих несчастных лошадей.

Ковач оглянулся на замок.

– Берите же! – сказал он, вкладывая хлыст конюшему в руку.

Янош не взял хлыст, и тот упал в заплесневевшее сено. Новый конюший презрительно посмотрел на капитана и повернулся к жеребцу, который по-прежнему бушевал и вставал на дыбы, уже изрядно покрывшись пеной.

– Успокойся, дружище, – сказал Янош, подходя к нему.

Конь снова взметнулся на дыбы, и трое мальчиков изо всей силы ухватились за веревки.

– Поберегись, Сильваши! Этот жеребец бешеный, – крикнул Ковач.

– Тише, парень, успокойся, ну, спокойнее, спокойнее, – приговаривал Янош.

Избегая прямого взгляда, он смотрел на стремительные копыта жеребца. Потом медленно протянул руку. Конь фыркнул, но не дернулся вверх. Потом еще раз фыркнул, напрягая мышцы своей длинной шеи, выгибая ее, и повернул морду к протянутой руке Сильваши.

Янош похлопал его по шее.

Жеребец постепенно расслабил вздувшиеся мышцы и опустил голову, его ноздри раздулись, втягивая запах человека. Он снова фыркнул и топнул передней ногой, еще не вполне уверенный, что этому человеку можно доверять.

– Как долго на этом коне ездят верхом? – спросил Янош.

Мальчишки переглянулись и опустили головы.

– На нем никто не ездит, господин, – сказал старший. – С ним не справиться. Из него хотели сделать скакуна для графа Надашди, но благородный господин умер, когда matka еще не ожеребилась.

Янош медленно погладил коня по шее. Жеребец приподнял голову, его кожа судорожно вздрагивала, словно стряхивая мух. Ноздри животного раздулись и покраснели, а глаза по-прежнему оставались навывкате.

Но конь все же позволил Сильваши погладить широкую грудь.

Янош повернулся к стражнику.

– Пожалуйста, скажите графине, что в хлысте нет необходимости. – Он сдвинул руку в направлении холки коня.

Опасливо поглядывая на жеребца, стражник приблизился к Яношу и шепнул ему на ухо:

– Вообще-то, хлыст не для лошадей. Он для мальчишек-конюхов.

Янош оторвал руку от лошадиной холки, и жеребец отпрянул назад, увлекая за собой мальчиков.

Посмотрев стражнику в глаза, конюший повернулся к окну, где несколько минут назад заметил какое-то движение, и, приподняв подбородок, взглянул на замок.

– Отнесите хлыст обратно графине, – твердо и спокойно проговорил Янош. – Скажите, что он мне не нужен. Ни для животных, ни для людей.

Глава 5

Карбондейл, штат Колорадо

28 ноября 2010 года

Бетси вспоминала вчерашний день.

– А вы могли бы как-то попрофессиональнее обустроить свой кабинет, – снова сказала Джейн, забирая Дейзи после сеанса. – Возьмите хорошую горничную. Может быть, выбрать одну из мексиканок по соседству? Наведите порядок. Когда здесь последний раз вытирали пыль?

Бетси вздохнула.

Джейн была права, домохозяйка я никудышная.

Подбоченясь, она окинула взглядом маленький викторианский особняк. Одна лишь мысль об уборке вызывала у нее боль в пояснице. По всем горизонтальным поверхностям была разбросана периодика – «Квадрант», «Юнг джорнэл», «Журнал аналитической психологии». Кипы пособий по юнговской психологии качались в сомнительном равновесии, грозя обрушиться, особенно когда вездесущий Ринго вилял хвостом.

Бетси потратила день на наведение порядка, то и дело поглядывая на жирные снежинки, которые порхали за окном, заслоняя гору Сорпис. «Отличный снегопад, – думалось ей. – Хороший мокрый снег – прекрасная ранняя подложка для будущего катания на горных лыжах».

Книжные полки были уже плотно набиты. Теперь можно по крайней мере разобрать кипы книг и половину запрятать за кушетку, с глаз долой. Бетси вытерла пыль с корешков кожаных переплетов на полках, не решившись вытаскивать книги. Потом их, наверное, не удастся засунуть обратно.

Бетси убралась в старом баре из красного дерева, одном из любимых приобретений отца, протерла бутылки сливовицы, которой отец всегда угощал гостей.

Ей вспомнилось первое Рождество после его смерти. Тот кошмарный праздник они с матерью провели вместе, изрядно набравшись словацкой сливовицы.

Тогда в канун Рождества случился сильный снегопад. Снежная крупа стучала в окно, предвещая бурю – мечту школьников, так как в бурю занятия отменяются.

Грейс приехала днем раньше. Ее лицо осунулось, от горя на нем выступили все кости. Когда они с матерью обнялись, Бетси ощутила ее торчащие ребра.

– Возьми отпуск на один семестр, мама, – посоветовала она. – Вернись домой и займись собой. И дай мне позаботиться о тебе...

Грейс сурово отстранилась, подняв подбородок.

– Я совершенно здорова, Бетси. Работа для меня – лучшее лечение.

Она налила себе сливовицы и с рюмкой в руке уставилась на мигающие огоньки рождественской елки.

– Твой отец всегда любил Рождество, – сказала мать.

– Сядь, мама. Давай поговорим.

– Не хочу, – проворчала Грейс. Она опрокинула рюмку и сморщилась, когда алкоголь обжег горло.

«Черт возьми! – подумала Бетси. – Начинается».

Она знала это выражение на лице матери, предвещающее бурю. Глаза Грейс воинственно прищурились за очками, рассматривая Бетси, будто любопытный артефакт в музее.

– Ты слишком похожа на своего отца, – наконец произнесла мать, невнятно выговаривая слова, и плюхнулась в кресло.

Грейс никогда не любила сливовицу. Но все-таки сделала еще глоток.

- Что ты хочешь этим сказать – «слишком похожа на отца»?
- Почему ты занялась психотерапией? Такая сомнительная область. Никаких четких границ, и, в общем-то, не наука. И зачем развелась с тем прекрасным парнем?
- Мама! Да ведь ты посинела от ярости, когда узнала, что мы поженились. Разве не помнишь?
- Возможно, мать была права, но Бетси не хотелось сейчас это признавать.
- Джон Стоунворк наверняка вылепил бы из тебя что-то, взял бы в рамки и на чем-нибудь сосредоточил. И ты не жила бы в этом застойном городишке...
- Но я люблю Карбондейл, мама. Я здесь выросла!
- Несмотря на мои возражения. Я бы увезла тебя в Чикаго. Придала бы больше блеска, больше амбиций. А все твой отец – это он держал тебя здесь.
- Знаешь, как-то не похоже, что ты очень желала заниматься мною, когда я окончила промежуточную школу¹¹.
- Я говорила Чеславу, что вернусь преподавать в университет, когда ты достаточно вырастешь. Он заверял меня, что сделает то же самое.
- Было бы неплохо, если б ты была рядом со мной не только по выходным и летом. Зачем она это делала? Зачем было сейчас ссориться? Матери была нужна помощь. Но Бетси не могла остановиться.
- Ты могла бы быть рядом, чтобы отвечать на некоторые вопросы, помочь мне в...
- Зачем? Юность – нелепый период в жизни человека. Мы бы только и делали, что ссорились. Вот что делают матери и дочери в этом возрасте.
- Тебя не было здесь, чтобы...
- Твой отец баловал тебя. Он затоптал в тебе огонь.
- Бетси с трудом глотнула.
- Что? Как это «затоптал огонь»?
- Заниженные ожидания, – проворчала мать, глядя сквозь кристально прозрачную жидкость в своей рюмке. – И ты, на мой взгляд, оказалась слишком кроткой.
- Бетси понимала, что это все сливовица, но восприняла слова матери, как удар в живот.
- А этот Джон, – продолжала Грейс. – Если б ты осталась с ним, то сейчас работала бы в Массачусетском технологическом институте.
- В Массачусетском технологическом нет курса психотерапии, мама.
- Ну, тогда в Бостонском университете, – сказала Грейс, протягивая руку к бутылке сливовицы, и плеснула себе в рюмку. Тягучая жидкость перелилась через край на вязаный коврик.
- Мама. В ней больше пятидесяти градусов...
- Или, может быть, в Гарварде. У тебя ведь есть мозги. Тебе не достает другого...
- Я никогда не хотела преподавать в университете.
- Можно проводить практические исследования. Публиковать свои работы. Сделать себе имя!
- Я помогаю людям, мама. Разве это плохо?
- Как твой отец! Ха! – презрительно воскликнула Грейс, и ее язык пристал к нёбу. Она издала щелкающий звук.
- «Как дельфин», – не удержалась от мысли Бетси.
- «Помогаю людям!» – повторила мать наконец, отодрав язык. – Как будто люди – сломанные игрушки, которые он умеет чинить. Подклеить здесь, подклеить там... Он никогда не хотел публиковать свои работы. Знаешь, как его уважали в Вене до того, как мы поженились? А потом ни с того ни с сего он решил спрятаться под ковер. Исчезнуть.

¹¹ Промежуточная школа – в США школа для детей от 10–11 до 13–14 лет.

– Что плохого в том, чтобы помогать людям справляться с их проблемами?

– Помогать людям! Этим занимаются социальные работники и школьные учителя! Регулировщики на переходах для детей, бойскауты...

– Знаешь что, мама? Похоже, ты перебрала сливовицы. И на самом деле ведешь себя так, потому что не можешь пережить папину смерть.

– А вот не надо тут этого твоего психоанализа, девочка! – отрезала Грейс, грозя дочке костлявым пальцем. – Я не нуждаюсь в твоих советах. – Лицо ее сморщилось от горя, и она заплакала.

– Мы могли поговорить о папе, совершенно не ссорясь, – мягко проговорила Бетси. – Тебе нужно с кем-то поговорить.

Грейс крепко зажмурилась и покачала головой, пытаясь отогнать эти слова.

– Я хочу поговорить о тебе, а не о твоём отце! – сказала она, крепко сжав ножку рюмки. В ее пальцах, ухватившихся за рюмку, как птичья лапа за насест, Бетси увидела очертания костей.

– Если бы ты осталась с Джоном, он бы выправил тебя. Это был практичный молодой человек. Никакой ерунды. Он бы стал чертовски хорошим отцом, он бы вас всем обеспечил. А у меня уже были бы внуки.

У Бетси вдруг захватило дыхание. Она хотела ответить матери, но не могла вымолвить ни звука. И просто встала, схватила с крючка куртку, обмотала шарфом шею на три оборота, натянула лыжную шапку с кисточкой и перчатки.

– Куда ты? – рявкнула Грейс, наклонившись в кресле, отчего чуть было не свалилась на пол. – Бетси! Там ведь снежная буря!

– Лучше буря там, чем буря здесь, мама.

Бетси хлопнула дверью, прогоняя жгучие слезы. Снежинки таяли у нее на ресницах, заслоняя взор.

Глава 6

Чахтицкий замок

28 ноября 1610 года

Проверив состояние конюшен, Янош спросил, нельзя ли его представить хозяйке замка.

– Графиня не дает аудиенций до наступления сумерек, – ответил Ковач. – Вы увидите после заката.

Янош оглянулся на мрачный замок, где раньше заметил движение какой-то тени.

– Похоже, я уже видел ее мельком, когда занимался с жеребцом.

Стражник удивленно посмотрел на него, изогнув бровь.

– Сомневаюсь в этом, конюший Сильваши. Не при свете дня.

Он поднял руку в перчатке, предлагая Яношу следовать за ним в бараки, где отдыхали стражники и конюхи.

Тяжелые двери со скрипом отворились, дохнув на пришедших запахом щей. Этот кислый запах перебивал все другие, разве что порой доносился запах немытого тела стражников.

– Можешь постелить себе у очага, – сказал Ковач. – Поварята поддерживают огонь всю ночь.

– Вы новый конюший? – пропищал чей-то высокий голос. – Да, пора бы кому-то позаботиться об этих несчастных животных, а то они уже почти превратились в мясо для моего котла.

Поваром оказался тощий человек с туго обтянутым кожей черепом. Янош видел, как при разговоре двигаются мышцы на его шее и челюсти. Мясистыми были только предплечья, натруженные помешиванием в массивном железном котле. Судя по тщедушной плоти этого повара, его стряпня не предвещает ничего хорошего, подумал Янош.

Он посмотрел на стражника.

– Я бы хотел приступить к работе и заняться лошадьми как можно скорее. Повар, у вас есть сахар?

– Ах! – ответил тот, качая своей черепообразной головой. – Вы думаете, у повара в бараке может быть сахар? Сахар запирают в кладовой под зорким присмотром поварихи Броны. Его привозят из Венеции, он дорогой...

– Мне нужно всего пять ложек. Пожалуйста, добудьте сейчас же ради здоровья лошадей. Здесь они принесут больше пользы, чем в брюхе какого-нибудь знатного сладкоежки.

Ковач и повар переглянулись, не зная, что ответить дерзкому молодому конюшему.

– Капитан Ковач, вы пользуетесь в сортире известью? – спросил Янош.

Стражник в гневе наморщил лоб.

– Мы пользуемся ей, чтобы чистить бараки. На что ты намекаешь?

– Хорошо. Мне понадобится хотя бы полведра щелока. И солома вроде той, которую бросают на ночное золото¹². Мне понадобится довольно чистая, свежая солома, чтобы набросать по всей конюшне слоем в фут.

К ночи Ковач увидел, как новый конюший усердно трудится вместе с ватагой мальчишек-конюхов. Впрочем, больного Алойза Янош усадил у огня и накрыл одеялом.

Конюший положил на колено заднюю ногу кобылы и поднес смердящее копыто к лицу.

– Смотрите: треугольная часть – стрелка – самое чувствительное место, – объяснял он мальчикам. – Никогда не срезайте ее, если только она не омертвела и не свисает. Эта часть

¹² *Ночное золото* – фекалии, используемые в качестве удобрения.

копыта живая и чувствует боль, как ваши пальцы. – Острым ножом он очистил островок мягкой плоти от навоза и впившихся камешков. Потом один из конюхов накапал в гниющее копыто щелока, а Янош обернутыми в тряпку пальцами вдавил туда известковый порошок. – Это надо проделывать каждый день, пока плоть не заживет и не подсохнет, – сказал он, все еще держа копыто в руке, а потом отпустил его и выпрямил колено.

Подойдя к кобыле, Ковач увидел на гнойной ране что-то белое и блестящее. Кобыла фыркала, а мальчишки-конюхи кивали, получая указания конюшего.

– Что это? – спросил стражник. – Белый сахар графини ты потратил на лошадиное копыто?

Лицо Ковача выражало крайнее изумление, и Сильваши улыбнулся ему.

– Вот увидите, капитан Ковач, как быстро заживают раны от регулярных присыпок.

Он провел рукой по холке кобылы, не касаясь пальцами раны. Лошадь дернулась от его прикосновения.

Ковач поскреб в затылке.

– Я пришел сказать, что графиня назначила тебе аудиенцию. Она велит явиться к ней, как только взойдет луна.

Янош изогнул бровь.

– Странный у графини способ приветствовать верного слугу из замка Шарвар, – проговорил он, потягиваясь и зевая. – Я вообще-то устал. Может быть, графиня согласится принять меня утром? А то ведь она продержала меня весь день в ожидании своей аудиенции.

– Ничего, поспишь после встречи с графиней. – Стражник встал и скрестил руки на груди, окинув взглядом Сильваши. – Ступай-ка к повару и попроси ведро воды и тряпку, чтобы помыться. Графиня очень привередлива, любит чистоту и опрятность. Она терпеть не может запаха мужского пота и вони скотины.

Янош фыркнул и отвернулся, потирая ноющую спину; он провел несколько часов, согнувшись над конскими копытами, руки и спина теперь изнывали от усталости.

Стражник схватил его за плечо и повернул обратно.

– Не воспринимай желания графини столь высокомерно, конюший. Она не терпит бесцеремонности.

– А я не выношу грубости и жестокости! – ответил Янош, стряхивая руку Ковача. – Какого черта она прислала мне тот хлыст?

Ковач хотел было ответить, но, оглянувшись, захлопнул рот. Он увидел, как в страхе расширились глаза юных конюхов от слов конюшего.

– Иди умойся, Сильваши. От тебя несет конской мочой, – сказал стражник. Он повернулся и направился из выхваченной фонарями светлой лужайки в темноту мощеного двора. – Тебе еще предстоит усвоить порядки Чахтицкого замка.

Глава 7

Аспен, штат Колорадо

28 ноября 2010 года

– Вот уже несколько недель как прошел Хэллоуин, – сказала Джейн, отрываясь от своего журнала «Вог», и бросила презрительный взгляд на изодранное креповое платье Дейзи и ее готический макияж.

– Ха, ха, – проговорила Дейзи. – Убийственно, мама. Тебе надо выступать на «Комеди Сентрал»¹³.

– Ты распугаешь соседей. Они подумают, что я плохая мать, раз позволяю дочери шляться в каких-то лохмотьях во время снежной бури.

– Плевать на соседей, – сказала Дейзи, застегивая пряжки на башмаках. – Ты слишком много думаешь о том, что скажут другие, мама.

– А может быть, и тебе не помешало побольше думать об этом? Хоть немного...

– Зачем? К тому же я все равно не собираюсь тут разгуливать. Что тут увидишь? Большие дурацкие особняки да жадные типы с женами младше дочерей. Они отвратительны.

Джейн сердито посмотрела на дочь.

– Что? – сверкнув глазами, спросила та.

– Знаешь, Дейзи, в последнее время ты ведешь себя просто невыносимо. Я могла бы просто позвонить твоему отцу, чтобы тот узнал, какая ты заноза в заднице.

У Дейзи захватило дыхание, и она закашлялась.

– Ты что, нездорова? – озабоченно спросила Джейн, и от ее злости не осталось и следа. – Тебе не следует выходить на улицу.

Дейзи натянула длинное черное шерстяное пальто, купленное в магазине для бережливых.

– Куда это ты собралась? – спросила Джейн, подбоченившись.

– Куда надо.

Девушка хлопнула дверью так, что с крыши над крыльцом съехал снег.

Она погнала свой BMW по Ред-Маунтин-роуд, на первом повороте ее занесло, и она чуть не врезалась в металлическое ограждение. Мотор заглох, и когда она тронулась снова, то поползла вниз по уклону на первой передаче.

Дейзи припарковала машину в конце Ред-Маунтин-роуд, рядом с рекой, и, плотно засунув в уши наушники, направилась вдоль реки по Рио-Гранде-трейл. Она улыбалась, снова и снова слушая песню группы «Дорз»:

*People are strange when you're a stranger...*¹⁴

Валил густой снег, совсем как в январе. Он скапливался на ветвях, стряхивая с осин последние желтые листья. Дейзи брела по снежной тропинке, глядя на реку. Вдоль берега уже намерз лед, но дальше была вода; темная, она быстро бежала меж укутанных снегом камней.

Снег усиливался, он садился на ресницы и залеплял глаза, несмотря на капюшон. В наушниках гремели Джим Моррисон с группой «Дорз».

¹³ *Comedy Central* – американский юмористический кабельный канал.

¹⁴ Люди чужие, когда ты чужак (*англ.*) – слова из песни «Дорз» *People Are Strange*.

*Faces come out of the rain when you're strange...*¹⁵

Бац!

Она не услышала, как он мчался по дорожке, и растянулась на земле, изрыгая ругательства. Ее ноги перепутались с ногами врезавшегося в нее лыжника.

Tu-Эн-Tu!
Ой! Ой! Ой!
Tu-Эн-Tu!
Ой! Ой! Ой!

Его наушники болтались на шее, оглашая улицу песней группы AC/DC.

*I'm Du-na-mite!*¹⁶

– Черт побери! Ты в порядке? Я думал, тут нет никого, – сказал он.

– Разве меня не было *видно*?

– В том-то и дело. Все этот долбаный снегопад. Ты оказалась прямо посреди лыжни.

– Ну и идиот!

– Не поранилась?

– Отстань от меня!

От столкновения шерстяная шапочка свалилась с курчавой светловолосой головы лыжника, и Дейзи узнала его. Они учились в одной школе. Он был сноубордистом. «Один из тех экстремалов, что выступают на соревнованиях X-Games, – подумала она. – Мне пришлось пойти на митинг в его поддержку». Готы ничего так не презирают, как подобные митинги.

Он отполз и поднял ее на ноги, хотя сам оставался на лыжах.

– Черт побери! Теперь я потеряла свои наушники.

Дейзи все еще слышала, как из его наушников вырывается его музыка – последнее оскорбление. Тяжелый рок. Грохот.

– Вот они! – воскликнул парень, вынимая наушники из снега, и криво улыбнулся ей. – Да ты бойкая, девочка-готка.

– Вали отсюда, жопа!

Он сморщил нос, смеясь над ней.

– Что смешного-то?

– Трагедия закончена, ладно? Мир.

Он протянул ей мокрые наушники и нажал кнопку паузы на своем айпode.

– Слушай, я действительно не хотел. Извини.

Сильный порыв ветра сдул снег в сторону. Лыжнику приходилось почти кричать. Дейзи ощущала в его дыхании запах чего-то вроде фруктовой жвачки. Запах тропиков среди снежной бури.

– Ладно, ничего, – пробормотала она.

– Знаешь, тебя было трудно заметить, – сказал он ей в ухо.

– Что? Потому что я не одета в яркие цвета, как какая-нибудь девица из группы поддержки?

– Эй! Я этого не говорил. Одевайся как хочешь, это круто. Я ведь тебя просто не заметил.

¹⁵ Лица появляются из дождя, когда ты чужак (англ.).

¹⁶ Слова из песни T.N.T. группы AC/DC.

Дейзи смахнула снег с пальто, отряхнула капюшон.

– Хочешь, провожу тебя до твоей машины, или домой, или еще куда? – предложил он. – Снег-то серьезный.

– Нет, я дойду до моста Слотерхауз, а там сяду на автобус. На нем доберусь до своей машины. Я припарковала ее там, на обочине.

Он с сомнением посмотрел на нее, стуча палкой по лыжам, чтобы сбить выросший лед.

– Ты уверена, что все в порядке?

– Да, да, уверена.

«Дерьмо», – подумала Дейзи. Не хотелось, чтобы он принял ее за неженку только потому, что она не катается на лыжах и не занимается каким-нибудь ужасным зимним видом спорта.

– Знаешь, я занималась конным спортом и набила много шишек, – сказала она. – Ломала ребра, дважды ломала руку и один раз вывихнула плечо. Так что это ничего.

– Да? – Его лицо сложилось в улыбку. – Мне тоже все это знакомо не понаслышке. – Он счистил снег со своих защитных очков. – Ладно, увидимся на курсах испанского.

Он посещает те же курсы испанского?

Парень помахал ей палкой и укатил, исчезнув в снежном вихре.

Через долгие полчаса, изрядно вымокнув, Дейзи перешла реку и стала взбираться по крутому Семетри-лейн, направляясь к городу. Подъем был долгий, но на вершине можно было сесть на автобус, чтобы проделать остаток пути. Улица была безмолвной, из-за бури двери и окна домов были плотно закрыты. Единственной живой душой была женщина, щеткой сметавшая снег со своей машины. Она бросила работу и уставилась на Дейзи, когда та проходила мимо. Девушка ощущала ее взгляд у себя на спине, поднимаясь по улице и спотыкаясь о глыбы льда, которые снегоочиститель отбросил на обочину.

*Women seem wicked when you're unwanted
Streets are uneven when you're down...¹⁷*

Семетри-лейн. Она подошла к кованой железной ограде, окружающей могилы и массивные вековые тополя. Настоящий гот никогда не пройдет мимо кладбища, не воздав ему почтения.

Даже в слепящую метель.

Под ветвями тополей царил покой, стволы деревьев побелели от облепившего их снега. Дейзи петляла по кладбищу, разглядывая надгробия, читая надписи.

На самых старых могилах стояли даты восьмидесятых годов XIX века.

Она всегда выискивала захоронения детей. Иногда покупала гвоздики или розы на рынке на окраине города, чтобы положить их на могилы.

Девушка остановилась, чтобы прочесть надпись на новом надгробии, усеянном крапинками темно-оранжевого лишайника. Чеслав Пэт. Любимый муж Грейс и отец Элизабет.

Отца моей психички звали Чеслав?

Дейзи поехала под снегом, ощутив странные вибрации. Джим Моррисон кричал ей в уши:

*When you're strange
No one remembers your name...¹⁸*

¹⁷ Женщины кажутся порочными, когда не хотят тебя, Улицы кривы, когда ты грустишь... (англ.)

¹⁸ Когда ты чужак, никто не помнит твоего имени (англ.).

Вынув из ушей наушники и нажав кнопку «Пауза», она опустилась в снегу на колени и рукой в перчатке молча прикоснулась к надгробию.

«Что это за имя такое – Чеслав?» – подумалось ей.

Глава 8

Чахтицкий замок

28 ноября 1610 года

В сумерках двор Чахтицкого замка затих. Мясники, рубившие мясо и пачкавшие кровью булыжник двора, разошлись по домам, гусей заперли в их клетки, стук кузнечного молота замолк. Повозка молочника скрипела по разъезженной дороге в направлении деревни. Отбросы колбасника давно сожрали вороны и собаки, а остатки крови вылизали кошки. Стружки мыловара смешались с водой, образовав пену, которая смыла остатки дня, оставив мокрые отполированные камни, и на них уже играли лунные блики. Факелы отбрасывали на стены замка неровный яркий свет, в лунном свете застыли часовые.

За конюшим Сильваши явился худошавый лакей с нервными глазами.

На Яноше была льняная рубаха с открытым воротом и темные штаны. Такой наряд мог надеть зажиточный фермер, отправляясь на конскую ярмарку или в таверну. Он не надел никакого кафтана, только потертый камзол из вареной шерсти.

Посланец осмотрел его, облизывая сухие губы.

– Простите, господин. У вас не найдется более подходящего платья для визита к графине?

Янош прищурился на слугу в черном бархате, с серебряными крючками на изысканном плаще, поблескивавшими в свете факелов, а потом посмотрел на свою чистую белую рубаху и раздраженно ответил:

– Нет. Сгодится и так. Я конюх, а не лакей.

– Хорошо, господин. Только вот...

– Что?

– Графиня... привередлива к нарядам.

– Лучше бы она была более привередлива к уходу за лошадьми, – ответил Янош. – И к заботе о тех, кто проделал долгий путь из Шарварского замка.

Лакей попятился, выпучив глаза так, что те стали больше лошадиных.

– Прошу вас, господин! – прошептал он. – Не осуждайте графиню в моем присутствии, – и оглядел пустой двор, не видны ли где тени шпионов.

– Парень, да ты боишься собственной тени! Давай, отведи меня к графине, – сказал Янош, жестом руки отменяя все возражения. – Я теряю терпение. И мне хочется поскорее лечь спать.

Вода на булыжниках уже начала замерзать, можно было легко оступиться. Лакей с опаской семенил по краю двора. Янош шел следом, и его сапоги для верховой езды уверенно стучали по камням.

Стража отворила массивную дверь, и петли заскрипели, несмотря на регулярную смазку свиным жиром. Один из стражников отвел Яноша в сторону и грубо обхлопал его, проверяя, нет ли при нем оружия.

– У семейства Батори есть враги, – пояснил он.

Увешанный гобеленами зал освещали свечи в кованых канделябрах. Мебель с причудливой резьбой – кресла, сундуки и длинные столы – тускло поблескивала под толстым слоем воска. На стенах – где не было гобеленов – висели написанные маслом портреты предков Батори и Надашди, мужчин в сияющих доспехах. Сжимая усыпанные драгоценными камнями рукояти мечей, воинственные предки всем своим видом источали готовность покарать мусульманских захватчиков. На одном из портретов был изображен муж графини, Ференц Надашди, победно восседающий на куче убитых оттоманских бойцов, и их кровь обгадила его сапоги.

Ференц погиб пять лет назад, умер от полученной в бою раны – правда, в тавернах шептались, что рану нанесла недовольная шлюха, которой он не заплатил.

Воздух был насыщен запахом с кухни – там на открытом огне жарили дикого вепря. Янош узнал этот аппетитный запах, приправленный вонью паленой щетины, кое-где случайно оставленной на туше. Запашок жженой щетины перемежался со сладким ароматом осенних яблок.

За дубовой дверью на первом этаже сбились в стайку полдюжины молодых служанок в придворных нарядах. Их длинные шелковые юбки, шнурованные бархатные корсажи и расшитые бисером головные уборы, должно быть, привезены из Вены, подумал Янош, поскольку в глухомани Верхней Венгрии¹⁹ определенно не отыскать такого изящества.

При приближении конюшего девушки присели и склонили головы, хотя он заметил, что украдкой они посматривают на него, и услышал подавленный вскрик и приглушенное хихиканье.

– Не надо кланяться, девушки, – по-немецки сказал Янош. – Я слуга; так же как и вы, я служу графине.

Словачки захихикали над его изысканными манерами и венгерским акцентом. Те, кто посмелее, начали строить глазки.

Лакей тихо постучал в дверь, и она чуть приоткрылась; в щелочке показались ротик и носик хорошенькой – хотя и болезненно худой – служанки. Они о чем-то пошептались с лакеем, и дверь тихо отворилась. Яноша ввели в обширный зал, освещенный люстрами с сотнями мерцающих свечей.

Квадратный зал был полупуст, а в дальнем конце его сидела женщина под черной вуалью.

– Подойдите, мастер Сильваши, – позвала она. Ее накрахмаленный кружевной воротник стоял прямо вокруг шеи, как квадратное знамя, и слегка колебался, когда она говорила.

Янош подавил гримасу нетерпения, решив, что в присутствии этой скрывавшейся под вуалью женщины лучше вести себя сдержанно.

Он остановился в нескольких футах от возвышения, похожего на трон, и низко поклонился, взглянув на красные туфли графини и рассмотрев на них жесткие складки серебра и золотую парчу.

Янош наморщил нос. До него донесся едкий металлический запах медных монет, и его глаза украдкой искали источник этого запаха.

– Графиня Батори, этот визит – большая честь для меня, – сказал он.

– Вот как? – ответила она. – А я слышала, что вам не терпится лечь спать.

Янош сглотнул, удивившись, как быстро в этом замке распространяются слухи. Потом собрался с мыслями и подумал о том, в каком состоянии нашел здешних лошадей.

– Все верно. Ваши – как правильно их называть? – шпионы хорошо вам служат. Да, графиня, я, признаться, устал после тяжелого двухдневного путешествия и ужасного дня в конюшнях.

– Шпионы? Вы дерзки, *пан* Сильваши. Это верные слуги, которые говорят мне правду и сообщают о дурном поведении.

– Что вы называете дурным поведением, госпожа? Я приехал из Шарварского замка – вашего замка. По вашему требованию, госпожа.

– Нет нужды напоминать мне, словно я выжила из ума и ничего не помню!

Подавив раздражение, Янош решил зайти с другой стороны.

– Я посвящаю всего себя лошадям и приложу все силы, чтобы они были здоровы и хорошо выезжены. Ваша конюшня должна быть достойна имени Батори.

¹⁹ *Верхняя Венгрия* – историческая область на севере королевства Венгрия, ныне расположенная в основном в Словакии.

Он заметил, как вздрогнула черная вуаль, и сторал от нетерпения узнать, что же кроется за завесой черной сетки.

– Как я понимаю, мои конюхи вас разочаровали.

– Лошади в плохом состоянии, графиня. Понадобится несколько недель упорного труда, чтобы восстановить их здоровье.

– Мой конюший умер, а его племянник – идиот, – сказала она, приподняв вуаль и откинув ее на темно-рыжие волосы.

– Я...

Янош не смог продолжить. Он смотрел на белое лицо с кожей гладкой, как отполированный мрамор, цвета венецианского фарфора. Из-под изящного изгиба бровей на него смотрели горящие янтарные глаза, каких он никогда не видел.

Казалось, это не женщина из плоти и крови, а совершенная статуя, изваянная величайшим на свете скульптором. За исключением глаз. Глаза были как у дикой кошки. Графиня была ошеломительно красива. Он не мог отвести глаз. Его глаза пробегали по ее чертам снова и снова, выискивая хоть какое-то несовершенство.

Но, несмотря на ее возраст, он так и не смог найти ни единого изъяна.

Графиня кивнула лакею, и тот протянул ей плетеный кожаный хлыст.

– Вы вернули мне это, – сказала она. – А ведь я намеренно послала его вам.

Янош с трудом оторвал глаза от ее лица и посмотрел на хлыст.

– В нем не было необходимости. Лошадей хлестать не надо, а мальчишки-конюхи просто невежественны.

– Хлыст может быстро устранить невежество.

– Более действенными я считаю другие методы, графиня.

Среди служанок пронесся сдавленный вдох.

Эржебет бросила на них строгий взгляд, и во всем зале, даже самых отдаленных его уголках, воцарилась тишина.

– Говорят, вы унаследовали от отца – нет, от деда – сверхъестественную власть над лошадьми. Я помню его по своей юности в Шарварском замке. Мне было пятнадцать, когда меня привезли туда в качестве невесты.

– Просто я хорошо понимаю лошадей. Это вовсе не власть.

– Вы полагаете, что сможете объездить моего белого жеребца?

– Я знаю, что смогу.

Мраморное лицо сложилось в улыбку, немного внушавшую благоговейный ужас, – как будто скульптор, его создавший, никогда не предполагал на нем подобной эмоции. Изваянные черты, надменные и совершенные, как будто рассыпались, оставив на полу белые осколки.

Потом лицо вернулось к своему мраморному спокойствию, и никакое выражение более не нарушало его молочной гладкости.

– В моих поступках что-то не так, графиня?

– Да, – проговорило совершенное лицо. – Божек, проводи конюшего Сильваши обратно в его покои.

Из тени вышел лакей и встал рядом с Яношем.

– Вам не хватает только одного, молодой конюший, – сказала графиня, снова опуская вуаль.

– И что же это?

– Покорность, – ответила она. – Но здесь, в Чахтицком замке, вы этому научитесь.

Батори щелкнула пальцами, и звук разнесся по всему залу.

Двое стражников схватили Яноша за руки, сильные пальцы сжали его локти, и молодого конюшего быстро вывели обратно в переднюю.

Пламя факелов затрепетало от дуновения ветра, когда массивная дверь захлопнулась за ним.

Глава 9

Карбондейл, штат Колорадо

29 ноября 2010 года

С крыльца донеслись чьи-то шаги, и Бетси открыла дверь.

– Доктор Пэт?

В синей рамке дверного проема стояла самая потрясающая молодая женщина, какую Бетси когда-либо доводилось видеть.

У нее были длинные темно-рыжие волосы, натурального цвета, и ветер развевал их пряди вокруг лица. Кожа была поразительно белой, как у фарфоровой статуэтки. Это был какой-то старомодный облик, особенно по контрасту с принятым в Колорадо и привычным для Бетси спортивным стилем, требовавшим проводить много времени на свежем воздухе. Она заметила, что смотрит девушке прямо в ее зеленые с янтарными крапинками глаза.

– Вы ведь доктор Пэт, не так ли?

– Да... Простите, – проговорила Бетси, заставляя себя не рассматривать глаза пришедшей. – Мы не встречались раньше?

Девушка казалась такой знакомой... Бетси была уверена, что видела это лицо раньше.

– Я сестра Дейзи Харт, Морган. Можно войти?

– Да, конечно! Извините. Наверное, я должна была заметить фамильное сходство. – Бетси снова поняла, что пристально рассматривает девушку, но ничего не могла с собой поделать.

– Но как это возможно? Подо всем этим ее готическим макияжем? – возразила Морган.

Она нахмурилась, опустив подбородок; ее длинные волосы упали на лицо. Потом она откинула свою великолепную гриву назад, и ее глаза сверкнули. Губы собрались что-то сказать, но с них не сорвалось ни звука. Бетси шагнула в сторону, пропуская это несравненное создание в кабинет.

– Пожалуйста, садитесь, Морган. Так, значит, вы сестра Дейзи?

– Извините, что явилась вот так, без приглашения, но я пришла расспросить вас о Дейзи. Мой... папа дал мне ваши контактные данные.

– Вы ведь из Нью-Йорка, верно?

– Да, хотя теперь мы больше живем во Флориде.

– Мы?

Девушка замялась.

– Мы с папой. После развода я решила остаться с отцом, а Дейзи ушла к маме.

– Понятно.

Морган осмотрелась в помещении. Бетси заметила, что девушка обратила внимание на книги в кожаном переплете.

– И?... – Незаданный вопрос повис в воздухе. Морган явилась без приглашения – значит, она и должна вести беседу.

– Да, – сказала девушка, неохотно отвлекаясь от осмотра дома и книг. – Мы с папой действительно беспокоимся о Дейзи. Я слышала, она опять чуть не задохнулась и пришлось вызывать «Скорую».

– Да, это случилось некоторое время назад.

– Она сказала, почему это произошло?

– Простите, не поняла?

– Я хочу сказать, говорила ли она что-нибудь во время сеанса, что могло спровоцировать этот приступ? Что именно она говорила?

Бетси опустилась в кресло и, нащупав пальцами подлокотник, вцепилась в него так, будто крутилась на чертовом колесе.

– Знаете, я на самом деле ничего не могу вам сказать о лечении вашей сестры. Это конфиденциальная информация.

Кошачьи глаза едва уловимо сузились.

– Вы ведь пытаетесь помочь ей, верно? То есть она должна говорить вам обо всем, так? Она рассказывала вам про кошмар с вампиром?

Бетси открыла было рот, чтобы ответить, но ответ так и застрял у нее в глотке. Какое ей дело до того, что говорила Дейзи на сеансе?!

– Мы вместе пытаемся выяснить причину ее недомогания.

– Недомогания? – усмехнулась Морган. – Она это так называет?

Ногти Бетси глубже впились в подлокотник.

– Нет, это я так называю.

– Ну, она избалованный ребенок. – Морган словно выплюнула эти слова, ее зеленые горящие глаза прищурились. – Она была избалована с самого своего рождения. Я уверена, что она задыхается только для того, чтобы привлечь к себе больше внимания.

Бетси не ответила прямо, а спросила:

– Морган, вы остановились у Джейн и Дейзи?

Гостья засопела носом и закатила глаза.

– Да уж, *как же!*

– Они хотя бы знают, что вы здесь?

– Нет. Я здесь проездом. Сегодня во второй половине дня я уезжаю. Отец хотел, чтобы я разузнала про Дейзи... Как продвигается ее лечение. И чтобы встретилась с вами. – Морган потеревала свой накрахмаленный белый воротничок, потом полезла в карман замшевого пиджака и вынула из кожаного бумажника визитную карточку. – Вот. Это номер ее отца.

– *Ее* отца? – спросила Бетси.

Морган недовольно посмотрела на нее.

– Это ее биологический отец. Я – дочь Джейн от ее первого брака. Так или иначе, он говорит, что если будут какие-то вопросы или прорывы, то первым делом позвоните ему. А не Джейн.

– Вы просите не звонить Джейн? Вашей матери?

– Да. Позвоните сначала ему.

– Я никогда не встречалась с вашим отцом. Я встречалась с Джейн. Она подписала со мной договор и выписывает чеки на оплату. И Дейзи живет с ней, а не с отцом.

– Вам платит Роджер. Это его деньги. И он может прекратить лечение, когда захочет.

Бетси повертела в руке карточку.

– Передайте ему, пусть сам мне позвонит. Меня смущает эта ситуация, и я чувствую, что нужно соблюдать определенный протокол.

Морган вытаращила глаза.

– Протокол? Погодите! Вы же не можете сказать Джейн, что я была здесь.

– Почему?

– Просто не говорите. Это... расстроит ее и очень смутит Дейзи. Клянусь.

У Бетси стало кисло во рту. Она поняла, что мгновенно невзлюбила эту привлекательную девушку. Что-то в этой Морган выводило ее из себя.

– Вы понимаете, что я не обязана делать так, как вы скажете. Моя единственная забота – это Дейзи.

Морган заколебалась; ее зеленые глаза, холодные и сверкающие, устали на Бетси.

– Видимо, я вам не нравлюсь, – медленно проговорила она. – Я это чувствую. Но хочу задать вам важный вопрос. И это может помочь Дейзи. И я бы хотела, чтобы вы дали на него честный ответ...

– Что за вопрос? Если о вашей сестре, то ответ будет «нет». Я не буду обсуждать ее.

– Нет, доктор Пэт. Это вы уже вполне прояснили, – сказала Морган, отмахнувшись от ее слов. – Простой вопрос, не касающийся Дейзи.

– Продолжайте.

– Возможно ли... не знаю... унаследовать или позаимствовать чей-то сон?

– О чем это вы? Я не понимаю вопроса.

– Ну, скажем, кому-то снятся вампиры. Как моей сестре. Могу ли я, скажем так, подцепить этот сон?

– Что, заразиться, как гриппом?

– Я не это хотела сказать. А что, если во сне она видит тот же мир, что и я? Тот же самый.

Бетси посмотрела в зеленые с янтарными крапинками глаза Морган и заметила в них какое-то чувство.

Чувство страха.

Поколебавшись, она кивнула.

– Близкие люди или люди, связанные схожими эмоциональными чувствами, могут иметь схожие сновидения как проявление общего бремени, особенно если они подвержены одним и тем же переживаниям.

Морган непреклонно покачала головой.

– Вы не поняли, доктор Пэт. Что, если кошмар один и тот же, в точности – какой-то замок... те же персонажи... упыри с белыми лицами...

– Вы могли слышать, как Дейзи описывает свои сновидения, и подсознательно запомнили подробности и эмоции – заразив, если хотите, ваши собственные сны.

Бетси чувствовала, что зашла слишком далеко. Не следовало говорить о Дейзи даже столько.

– Простите меня, – сказала она, вставая с кресла, – я жду пациента.

Морган тоже встала и вслед за Бетси направилась к выходу. Бетси открыла дверь. На крыльце кружились несколько увядших листьев, спасаясь от ранней метели.

Нахмурившись, Морган шагнула в непогоду.

– Есть еще одна возможность, – вслед ей сказала Бетси. Она сама не понимала, что толкнуло ее продолжить беседу, тем более что Морган уже отошла на несколько шагов. – Этот феномен называется «коллективные сновидения». Нечто вроде астрального путешествия, опыт вне тела. Сам Карл Юнг полагал, что одновременные сны являются частью коллективного бессознательного.

Морган задумчиво кивнула, позвякивая в руке ключами от машины, и ответила:

– Роджер скоро свяжется с вами. До свидания, доктор Пэт, – после чего повернулась и направилась к своей машине. Под ее сапогами хрустел заснеженный лед.

Глава 10

Где-то в Словакии

6 декабря 2010 года

Доктору Грейс Пэт хотелось кричать, но рот ей, как и все лицо, закрывал капюшон, и она знала, что все равно от ее крика не будет никакого толку. Никто ее не услышит. Машина быстро несла ее по дороге, которую она не могла разглядеть.

Она сопротивлялась, но это было бесполезно. Понемногу ее мозг снова начал работать, думать, анализировать.

Судя по всему, они ехали по автостраде. Это была роскошная машина – она поняла это по урчанию двигателя и кожаным сиденьям. Обогреватель обдувал ее теплым воздухом, донося запах нового дорогого автомобиля.

Временами сквозь тонкую ткань натянутого ей на голову капюшона проникали вспышки фар.

Двое мужчин на переднем сиденье переговаривались на не понятном ей языке. Не по-словацки.

Капюшон пах чем-то старомодным. Что это? Запах чистоты, свежестиранного белья. Они пользовались этим же мешком для похищения других людей?

Что им от нее нужно? Она небогата, и шансов получить с нее выкуп никаких.

Лаванда. Капюшон пах лавандой. И даже теперь, даже здесь, ее ум отметил, что слово «лаванда» происходит от французского *laver* – «мыть», «стирать»²⁰. В Средневековье цветы лаванды использовались, чтобы скрыть запахи и защитить дорогую одежду от плесени. Свежестиранное белье оставляли на солнце и посыпали цветами. Слово родилось в конце XIV века.

Глаза ей щипали слезы. Черт возьми! Что им от нее нужно?

Тянулись часы, на нее не обращали никакого внимания, разве что спрашивали, не хочет ли она пить. По-английски ее похитители говорили со страшным акцентом.

– Да, пожалуйста, – наконец взмолилась Грейс. Ей не хотелось доставлять им удовлетворение, но очень мучила жажда.

Послышался треск пробки, когда открывали пластиковую бутылку, и бульканье наливаемой в стакан воды.

Верхний свет в машине вспыхнул лишь на минуту, и Грейс почувствовала, как мужчина потянулся к ней с переднего сиденья. Бледные просвечивающие пальцы приподняли край мешка у нее на голове и поднесли ко рту тонкую трубочку.

– Это соломинка, – проговорил молодой мужской голос. – Капюшон мы пока не снимем, госпожа. Пейте.

Пальцы, засунувшие ей в рот соломинку, были призрачно-бледными – белые кости на фоне черной ткани. От них исходил металлический, нечеловеческий запах. С содроганием Грейс попыталась отодвинуть голову от этих пальцев.

– Не хотите воды? Она из глубоких источников под замком. Целебная, горные минералы лечат все болезни...

Водитель злобно выругался на непонятном языке. Человек, давший ей воды, несколько секунд ничего не говорил, а потом повторил:

– Вот. Выпейте, госпожа. Пейте же.

²⁰ Изначально слово «лаванда» происходит от латинского *lavare* – «мыть», «стирать».

Глава 11

*Деловая часть Манхэттена
Художественный музей Рубина
6 декабря 2010 года*

Давя шинами мокрый снег, такси подрулило к тротуару у дома 150 на Западной Семнадцатой улице.

Бетси расплатилась с пакистанцем-водителем, не пожалев чаевых. Причиной этого она сочла свое волнение: сейчас она наяву увидит «Красную книгу» Юнга! – и ей хотелось, чтобы весь мир разделил ее возбуждение, радость предвкушения.

«Не анализируй ничего, Пэт, – твердила она себе. – У тебя выходные».

Она прошла по заляпанному грязью и слякотью тротуару, ее щеки горели от ветра. Бетси всегда поражалась, какой же резкий на Манхэттене ветер, сравнимый с порывами метели в Скалистых горах.

Толкнув стеклянную дверь, она погрузилась в тепло и желтый свет и в восторге вздохнула.

Музей Рубина источал запах святилища. Бетси уже бывала здесь, осматривала буддийские мандалы и тибетское искусство. Когда она приезжала на юнговские конференции или посещала друзей в Нью-Йорке, то зимой часто заскакивала в маленький частный музей выпить чашку пряного чая или супа с карри, чтобы прогнать холод.

Здесь она часто думала об отце, хотя тот умер за несколько лет до открытия музея. Но он наверняка полюбил бы его.

Однако в сегодняшней программе была единственная причина, по которой она прилетела на выходные в Нью-Йорк: в музее Рубина выставлялась «Красная книга» Карла Юнга, иллюстрированное автором описание его путешествия по закоулкам человеческой души и борьбы с безумием. Оригинал этого манускрипта пятьдесят лет был заперт в сейфе швейцарского банка и сейчас впервые выставлялся на публичное обозрение. Вместе с самой книгой музей предложил необычайную серию дискуссий, виртуально представив публике юнговский анализ выдающихся художников, писателей, интеллектуалов и мистиков.

Юнг, протеже Зигмунда Фрейда, все дальше и дальше отходил от фрейдистских принципов. Он отверг жесткую приверженность своего ментора к сексуальным травмам как корню большинства психических расстройств. Юнг верил в коллективное бессознательное, в то, что все люди имеют доступ к общему источнику древних знаний и опыта, о котором они сами не знают, но который оказывает влияние на каждый момент их жизни. Сновидения и интуиция являлись ценными инструментами для изучения не только психики, но и души.

В возрасте тридцати восьми лет, в 1913 году, Юнга преследовали собственные демоны, предсказывая смерть и разрушения Первой мировой войны. Его мучили видения, и он даже назвал это «психозом» или «шизофренией», но вместо того, чтобы вылечиться самому, Юнг стал исследовать их методом так называемой активной имажинации. Он проиллюстрировал свои сновидения и начал вести записи в тетрадках, которые позже переписал в большую книгу в красном кожаном переплете, ту самую «Красную книгу».

В вечерних дискуссиях программы «Диалоги о «Красной книге» должны принимать участие юнговский психоаналитик и какой-нибудь знаменитый гость. Приглашенной знаменитости показывают иллюстрацию из «Красной книги», гость видит ее впервые прямо на сцене, а потом психоаналитик задает вопросы о его чувствах и интерпретациях рисунка.

Конкретно в этот вечер знаменитостью являлась толковательница карт Таро по имени Рикки Джиллетт, а беседовать с нею должна была доктор Джейн Килпатрик из Института Юнга.

Первоначально мать собиралась встретиться с Бетси на этом мероприятии, но потом слишком погрузилась в свои исследования в Словакии. Кроме того, подумала Бетси, мама никогда не «понимала» Юнга. Это вышло бы далеко за пределы ее зоны комфорта.

Она подумала об отце. Если б он только дожил, чтобы сегодня увидеть «Красную книгу»!..

В толпе было полно знакомых лиц. Прийти посмотреть на рукопись, написанную и проиллюстрированную самим Карлом Юнгом, – для психоаналитика своего рода паломничество в Мекку.

Бетси ждала своей очереди взглянуть на огромный том за пуленепробиваемым стеклом. Каждые несколько дней его страницы переворачивали. Она в благоговении смотрела на замысловатые цвета и причудливые формы двух избранных на сегодня страниц.

Поверх лабиринта лазурно-синих и бежевых линий располагалась какая-то фигура – мужчины в тюрбане? – выделенная красным и черным. Он падал назад, словно отшатнувшись от золотистого луча света – пронзавшего его сердце? Но если это было его сердце, почему оно выглядит как знак треф на игральной карте? Его лицо не выражало никакого страха – возможно, удивление, – и...

Бетси наклонилась поближе.

Экстаз. Человека коснулось нечто неземное.

Вокруг столпились другие посетители, она ощутила запах карри в чьем-то дыхании – возможно, от стоящей рядом женщины. Только тут Бетси осознала, что человек в тюрбане стоит на змее, злобной змее, изготовившейся ужалить.

– Простите, можно мне посмотреть, если вы уже закончили?

Бетси кивнула, но ей было мучительно трудно отойти от оригинала рукописи Юнга. Слава богу, несколько недель назад мать подарила ей экземпляр первого издания этой книги на день рождения.

Бетси встала в медленно движущуюся очередь в зрительный зал. Билетер попросил ее взять карту Таро из расправленной веером колоды карт у него в руке.

– Это часть сегодняшнего представления, – пояснил он и подмигнул. – Держитесь за нее.

Бетси перевернула карту, и ей перехватило горло.

На карте была изображена девушка, сидящая на кровати. Девушка закрыла лицо руками – она, очевидно, плакала или была напугана. А над ней повисли в воздухе девять мечей. Постельное покрывало было усеяно знаками зодиака и розами.

Пройдя на свободное сиденье, Бетси достала айфон и быстро произвела поиск в Интернете:

«Девятка Мечей говорит, что скорая весть принесет горе, страдания и даже ужас».

Свет погас, и английский ведущий представил двух гостей, аналитика и анализируемого – гадалку, которой предстояло поделиться своим толкованием одной из юнговых иллюстраций.

Не отрываясь от экрана, Бетси читала дальше:

«В гадании по картам Таро это считается огорчительным и тревожным знамением».

– Не были бы вы так любезны выключить ваши пейджеры и сотовые телефоны? – попросил ведущий. – Спасибо.

Стоящий рядом мужчина посмотрел на нее, и она выключила айфон.

Доктор Килпатрик представила Рикки Джиллетт и показала иллюстрацию. Это был тот самый образ, который Бетси так внимательно рассматривала несколько минут назад. Собранным показали проекцию на стене: красно-черный человек в тюрбане, а сзади лабиринт.

– Пожалуйста, опишите ваше непосредственное впечатление от этой иллюстрации.

– Моя первая реакция – мне захотелось кричать, – ответила Джиллетт. Потом ненадолго задумалась. – Лабиринт напоминает Ван Гога, его борьбу за свой способ ухода... остановка безумия и сердечной чакры.

– Сердечной чакры! – пробормотал мужчина рядом с Бетси. – Да, как же! Нью эйдж...²¹

– Ш-ш-ш! – зашипела на него какая-то молодая женщина. Бетси заметила ее длинные рыжие волосы и их великолепный блеск, даже в темноте.

Джиллетт продолжала:

– Но я не вижу страдания на лице фигуры. Нет, я вижу святого Антония, темную поступь души. А пронзающий луч осветляет и поднимает человека.

– А змея? – спросила доктор Килпатрик.

– Он не боится ее. Его полностью захватил свет. Если он сосредоточен на свете, змея бессильна. Он идет по лезвию бритвы между рациональным и иррациональным. Его дух говорит с ним.

– Как экстрасенс, вы чувствуете, что с нами говорит дух? – спросила Килпатрик.

– Постоянно. Но чтобы его услышать, нужно пойти туда, где царит тишина. Не тарбарщина языка или социальных обязательств, не требования что-то делать. Дух постоянно дает ключи, если только вы *видите* его, *слышите* его...

Гадалка оторвала взгляд от иллюстрации и проговорила:

– Каждому посетителю при входе дали карту Таро. Пожалуйста, посмотрите на свою карту. У кого Девятка Мечей?

Бетси перевернула свою карту и помахала ей.

– У меня! – Она встала. – Что она означает?

– Таро – это набор символов, глубоко аллегорических, основанных на мифах и указывающих на архетипы, – произнесла Джиллетт.

Бетси кивнула. Как всякий последователь Юнга, она это знала. Но какое это имеет отношение к данной иллюстрации? Что означает эта карта? Почему она показалась такой пугающей?

– Девятку Мечей часто называют Господином Жестокости, – сказала Джиллетт. – Она означает, что скоро вы столкнетесь с семейными тайнами. Тайнами, которые вы уже, может быть, ощутили. Но вы не поняли всей глубины и мрачности того, что от вас утаивают.

У Бетси запылало лицо. Она ощущала на себе сотни глаз.

– Здесь много боли.

Бетси хотела что-то сказать, но гадалка покачала головой и продолжила:

– Содержимое входит в контакт с вашим неодолимым чувством страха. В вашей жизни есть Скорпион?

Бетси попыталась подумать. *Скорпион?*

– Рассказывайте о кошмарах! – рассмеялась Джиллетт, и все присоединились к ее смеху. – Ведите журнал сновидений. И удачи вам!

²¹ *Нью эйдж* (англ. New Age – новая эпоха) – общее название различных мистических течений и движений.

* * *

Во время следовавшего затем сеанса вопросов и ответов поднялся какой-то импозантного вида седовласый мужчина, сидевший через проход от Бетси. Он опирался на элегантную трость с серебряным набалдашником.

– Не могли бы вы рассказать о юнговской теории синхронии и ее связи с картами Таро, мисс Джиллетт?

Среди присутствовавших психоаналитиков раздался одобрителный шепот. Бетси заметила в речи задававшего вопрос иностранный акцент – восточноевропейский? Ей подумалось, не учился ли он в Вене, как ее отец.

– Синхрония? Вся вселенная вибрирует синхронией, если только мы сможем расслышать эту великолепную симфонию. Первые музыкальные звуки, созданные в нашем начале, ноты, летящие сквозь пространство и время, набирая инерцию. Но только настроенное ухо может уловить их хор.

Бетси слушала и думала об отце. «Третье ухо, тебе нужно развивать третье ухо», – говорил он ей.

Она так вздрогнула в темноте, что сидевший рядом мужчина посмотрел на нее.

– Здесь холодно, – пробормотала Бетси, не отрывая взгляда от двух женщин на сцене.

– Мне жаль, что приходится завершить эту очаровательную дискуссию, – сказал ведущий, – но уже пора. Спасибо всем за участие в программе «Диалоги о «Красной книге».

Присутствующие захлопали, снова загорелся свет. Несколько человек поспешили задать вопросы экстрасенсу.

Кто же из всех, кого она знала, был Скорпионом... кроме нее самой?

Поймав такси, Бетси поехала в гостиницу. В темноте ее дрожащие пальцы сжимали в кармане карту Таро.

Она поежилась в темноте кабины. Ей страшно хотелось оказаться снова в Колорадо и взяться за работу. Женщина знала, что ночью не сомнет глаз; она не уснет, пока не ляжет в свою измятую постель в Карбондейле.

Глава 12

Карбондейл, штат Колорадо

6 декабря 2010 года

До отъезда Бетси поговорила со своей соседкой Мартой, хозяйкой мексиканской лавки, где продавали продукты и одежду, и та пылко пообещала заботиться о Ринго всякий раз, когда Бетси придется куда-нибудь уехать.

– Поездка предстоит недолгая, – сказала ей Бетси. – Всего на несколько дней в Нью-Йорк.

– *No hay problema*²², – ответила Марта, и два ее мальчика-подростка с улыбкой кивнули, продолжая составлять ящики со свежими овощами. Из переулка доносился запах свежеподжаренного перца, и зеленые стручки пузырились в металлическом цилиндре над пропановой горелкой.

– Мы будем выгуливать Ринго, кормить, поить. Доктор может не беспокоиться, – сказал старший, Луис, и обнял Бетси своей медвежьей лапой. Она не встречала такого громадного, но весьма вежливого и обходительного молодого человека. Ребята-латиноамериканцы звали его Арболон – Большое Дерево.

Потом Марта прогнала его, поцеловала Бетси в щеку и наградила щедрым *abrazo*²³. От нее пахло сладким кукурузным тестом от тамале²⁴.

– Луис и Карлос позаботятся о вашей собачке.

Бетси оставила им ключ от дома, мешок собачьего корма, поводок и телефонный номер ветеринара в этом же квартале.

И на всякий случай еще номер своего мобильного.

Несколько раз днем и один раз ночью Карлос или Луис выводили Ринго в парк, иногда давая ему побегать без поводка, когда были уверены, что рядом нет полицейского, который их сразу же оштрафовал бы за это.

Однажды вечером, сразу после захода солнца, на тротуаре Луиса остановила девочка с черными как смоль волосами, в черном шерстяном пальто и черных башмаках.

– Откуда у тебя эта собака? – спросила она. – Это ведь не твой пес.

– Доктора Бетси, – ответил парень, оглядев ее с головы до ног. – Эй, а где сегодня похороны?

– Что?

– Где похороны, девочка? Ты вся в черном.

– Не смешно, – отмахнулась Дейзи.

Луис пожал своими могучими плечами.

– Ты знаешь дока Бетси?

– Да. Я ее... подруга. И как раз собиралась к ней зайти.

Он молча посмотрел на нее. Подруга, тоже мне... Нет, она наверняка одна из ее *locos*²⁵. Впрочем, неважно. Под этим черно-белым макияжем девочка была *bastante guapa*²⁶.

²² Никаких проблем (*исп.*).

²³ Объятие (*исп.*).

²⁴ Тамале – острое блюдо мексиканской кухни; лепешка из кукурузной муки с начинкой из мясного фарша с перцем, обернутая кукурузными листьями.

²⁵ Сумасшедшие (*исп.*).

²⁶ Довольно красивая (*исп.*).

– Хорошо. Подруги доктора – мои подруги, – подмигнул Луис. – Заходи выпить со мною пива, *amiga*²⁷. Доктора не будет в городе еще пару дней.

Луис заметил выступающую из-под макияжа царапину у нее на брови.

– Ты, я и «Текате»²⁸, *bruja*²⁹.

– Мне нельзя. Я... несовершеннолетняя.

– Да? Круто. Я тоже. Заходи, похоронная девочка. Взбодримся стаканчиком *cerveza*³⁰.

– Нет, мне в самом деле нельзя. Эй, дай мне погладить собаку, а?

– Конечно, конечно. Девочки всегда любят щенков.

Ринго придвинулся к Дейзи и начал лизать ей руки, а она стала чесать ему уши. Луис смотрел, как Ринго изогнулся и всюю завилял хвостом.

– Он тебя любит, – сказал он.

– Да. И я его тоже.

– Почему бы тебе не пойти со мною? Мне нужно его покормить.

Дейзи выпрямилась.

– У тебя есть ключ от кабинета? То есть от ее дома?

– Да, есть. Она доверила мне собаку, дом... Все, – проговорил Луис, гордо выпятив грудь.

Дейзи колебалась лишь мгновение.

– Ладно, почему бы и нет?

Замигал светофор, и они пошли. По улице, кусая за уши, пронесся порыв холодного ветра с гор. Дейзи натянула шерстяные перчатки.

– Фью! Как бы хорошо сейчас оказаться в Веракрусе³¹. Пили бы *cerveza*, ели севиче³²... Смотрели бы на девушек в бикини. Всем жарко, все пьют, отрываются... Играет мариачи...³³

Как только они пошли к дому, Луис вынул из кармана ключ, но около входа Ринго тихо зарычал. Луис схватил его за морду и заставил замолчать.

В окне кабинета за осиной Дейзи заметила какое-то движение и схватила Луиса за локоть.

– Там кто-то есть!

Луис весь напрягся, его тело затвердело, как камень. Он вытащил из кармана пружинный нож и щелчком раскрыл клинок.

– Подожди здесь и поддержи собаку.

– Черта с два! Я с тобой.

Они вместе подкрались к окну.

Над письменным столом Бетси склонился какой-то человек в черном.

– Что он делает? – спросил Луис.

Дейзи прищурилась в темноту.

– Роемся в ее бумагах.

Ринго снова зарычал; Луис попытался сдвинуть ему морду, но пес вырвался и начал неистово лаять, а потом с рычанием прыгнул на окно.

Луис бросился к двери и принялся вставлять ключ в замок, оставив Дейзи с собакой. Ринго, не переставая лаять, бросался на стекло.

²⁷ Подруга (*исп.*).

²⁸ «Текате» – сорт пива.

²⁹ Ведьма (*исп.*).

³⁰ Пиво (*исп.*).

³¹ Веракрус – штат в Мексике.

³² Севиче – блюдо латиноамериканской кухни: кусочки сырой рыбы или креветки, маринованные в соке лимона или лайма.

³³ Мариачи – жанр мексиканской народной музыки.

Незванный гость, услышав лай, оглянулся. Его глаза были бледно-бледно-голубые, цвета вылинявшего неба, а кожа пепельная с синеватым оттенком – как у мертвеца.

Этот человек посмотрел Дейзи прямо в глаза, словно прекрасно видел в темноте. А потом улыбнулся.

Она громко вскрикнула, и казалось, что вся улица услышала этот крик...

Глава 13

*Дневник Дейзи Харт
Аспен, штат Колорадо*

Когда я увидела этого типа, то так растерялась, что ни о чем думать не могла, а хотела только поговорить с Бетси.

Но там ее не было. Когда я нуждалась в ней больше всего. Черт возьми, и когда я была нужна ей больше всего! У меня возникло жуткое чувство. Кто-то хочет ей страшно навредить.

У чувака, что рылся в ее столе, были выцветшие голубые глаза, цвета замерзшего озера. Зловеще голубые. И он что-то искал – готова поспорить, не деньги.

Я провожу некоторое исследование, пытаюсь взять в толк, кто такая доктор Бетси, зачем она придумала мне этот дневник. И «погуздила» Юнга. Он клевый чувак – пишет, как блуждал в темноте, когда еще только изобретали автомобиль и все такое. Но я все поняла. Думаю завести блог, специально для готов. Особенно про сны.

С тех пор как я занялась с Бетси, мои сны стали более... тревожными. Раньше я помнила только отрывки, странные фрагменты – изразцовый пол в шашечку или каменную зубчатую стену замка. Красные туфли.

А теперь сны стали интенсивнее. Краски кричат, и каждая деталь прямо шипит.

А есть один сон, которым я не могу поделиться ни с кем.

Мне снится кровь. Чаны с кровью. С человеческой кровью. Какая-то женщина из белого мрамора соскальзывает в блестящую латунную ванну с широкими медными стяжками. В ванну, полную крови.

Ее тело погружается по плечи, и она удовлетворенно вздыхает. «Аххх! – говорит она. – Аххххх!»

Как будто в долбаном джакузи.

Она черпает кровь руками и плещет на свое каменное лицо; красная жидкость свертывается у нее на ногтях, окрашивая кончики пальцев.

Это все долбаная готика, но меня просто выворачивает. Я просыпаюсь и вскакиваю с безумным визгом.

Подбегает мама и кричит: «Проснись, милая, проснись!»

Но я не могу забыть последний образ из сна: каменная женщина с улыбкой медленно погружается в ванну, пока не скрывается в крови вся целиком.

Глава 14

*Где-то в Словакии
7 декабря 2010 года*

Грейс ощутила, как из открытой двери тянет холодом, и слышала гулкое эхо чьих-то шагов. Ничего не видя с мешком на голове, она попробовала сосредоточиться. Шаги гулкие. Сквозняк был холодный, несмотря на огонь, тепло которого она явственно ощущала и даже слышала потрескивание дров. Наверное, она в каком-то большом здании – слишком просторном, чтобы хорошо отапливаться. Чувствовался запах, затхлый, густой – и холодный. Пчелиный воск, кедр, острый дух древних ковров и заплесневелых гобеленов, отсыревших от постоянных дождей. Запахи старинного замка...

– Ну, теперь вы уже готовы говорить, доктор Пэт? – спросил какой-то человек на беглом английском, хотя и с акцентом.

Кто-то снял ей с головы мешок, взъерошив ее седые волосы.

Она осмотрела помещение. Перед ней стояли три исхудавшие женщины и смотрели на нее глубоко ввалившимися глазами. Они выглядели болезненными – истощенные и бледные.

Грейс поморгала, пытаясь получше рассмотреть их. Лица женщин были покрыты белилами. Во взглядах явно читалось недоедание – словно у изголодавшихся зверей, рыщущих в поисках добычи.

Она обернулась к говорившему и удивленно вздрогнула. Это был тот самый мужчина, который без какой-либо видимой причины угостил ее шампанским в Пьештянах – всего за час до похищения. У незнакомца, высокого человека с седыми волосами, была бледная, как у мертвеца, кожа, за исключением багряных губ.

– Почему я здесь? Что вам от меня нужно? – спросила она, нахмурившись.

– Мне нужно лишь встретиться с вашей дочерью, – сказал он, сложив перед собой руки. – Полагаю, у нее есть то, что по праву принадлежит мне.

– Кто вы такой?

– Можете называть меня графом.

Грейс растерянно хлопала глазами. Человек казался пятном белой кожи с чувственными губами.

– Изволите попросить ваши очки? – спросил он.

«Изволите попросить», – подумала она. Его акцент был похож на венгерский. Наверное, учился в Англии или в детстве имел англичанина-гувернера.

– Да. Пожалуйста, – с трудом выговорила она.

Одна из худых, как оглобля, женщин расстегнула кожаный портфель Грейс, вынула оттуда очки и протянула ей.

Женщина помедлила, глубоко вдыхая. Было отчетливо слышно, как она втягивает носом воздух, словно принюхиваясь.

– Не эти, – буркнула Грейс. – В кошельке. Эти только для чтения.

Женщина посмотрела на графа. Тот коротко кивнул. Женщина с волосами цвета фуксии вытасила из темноты портфеля кошелек.

– Да, те, что в бисерном футляре.

Скелетообразные руки надели Грейс очки. Когда женщина отошла, доктор Пэт взглянула на ее руки. Фиолетовые и желтые синяки, сморщенная кожа.

– Где я? – спросила пленница и огляделась. Гранитный камин XV века с мраморной отшлифованной веками облицовкой. В кессоне потолка виднелась поблекшая фреска с изображениями римских императоров и габсбургских правителей. «Венецианский художник, – решила она. – Пятнадцатый, самое позднее – шестнадцатый век».

- Вы у меня дома. В Словакии. Добро пожаловать, доктор Пэт.
- Добро пожаловать? Да как вы смеете! Вы же меня похитили!
- Похитили? Какое недружелюбное слово! Я пригласил вас погостить в моем замке.
- Зачем? Что вам от меня нужно? Я историк, что я могу?..
- Еще раз повторяю: что мы можем сделать, чтобы убедить вашу дочь приехать к нам? Грейс сделала вид, что не расслышала.
- Зачем вы держите меня в плену?

Граф поднял брови.

- Затем, что вы можете мне пригодиться. Боюсь, ваш муж не принес мне пользы.
- «Пользы». Это слово зазвенело у Грейс в ушах. Звук ударов – ее сердца? – оглушал ее.
- Мой муж погиб в автокатастрофе десять лет назад!
 - Да. Мы думали, это может заставить вашу дочь снова приехать сюда. Скоропостижная смерть, но необходимая.

У Грейс пересохло во рту. Пытаясь заговорить, она лишь издала щелкающий звук и с трудом глотнула.

- Повторите, что вы имеете в виду?

– Ах, вы забыли. . . Много лет назад, когда ваша дочь была ребенком – сколько ей тогда было? пять или шесть? – вы взяли ее с собой на какую-то научную конференцию в Братиславе. Конференция была посвящена эпохе правления Матьяша Второго.

Грейс лихорадочно вспоминала. Там было столько исследователей и специалистов. . . Сотни людей. В какой-то момент она в панике обнаружила, что Бетси рядом нет, девочка куда-то пропала. . .

И тут она вспомнила, тот эпизод многолетней давности вдруг ясно всплыл у нее в голове. Высокий элегантный мужчина с тростью с серебряным набалдашником держал девочку на колене, заглядывая ей в глаза. «Кто это такой?» – подумала она тогда. Когда Грейс поспешила к нему забрать дочку, в воздухе прозвенел голос: «Ах, граф Батори, мало того, что вы завоевываете женские сердца в Чехословакии и Венгрии, так вы еще пленяете своими чарами сердца американских девочек, столь юные и нежные?»

– Граф Батори, – прошептала Грейс, глядя на человека, в плену у которого оказалась. – Я вспомнила: вы держали мою дочь. . .

– Вот и прекрасно. Значит, теперь вы вспомнили меня. Мне было довольно обидно, когда ваш муж притворился, будто не может меня вспомнить. Особенно после всего. . . проведенного вместе времени.

Резкая боль пронзила ее грудь, и она закрыла глаза.

– Я слышал, вы изучаете моего знаменитого предка – графиню Батори. Вы же помните, что всего через несколько дней грядет весьма знаменательная годовщина?

Грейс уставилась на своего похитителя.

- Конечно, вы знаете. . .

- Что вам нужно от меня и моей дочери? – перебила она его.

– Это мое личное дело, – ответил граф. – Скажем так: у нее может быть то, что очень нужно мне.

Его лицо помрачнело, свет в глазах потускнел.

Потом он выдавил улыбку и раздвинул свои яркие губы, обнажив длинные белые зубы.

Глава 15

Чахтицкий замок

7 декабря 1610 года

Из стрельчатой бойницы цитадели Зузана подглядывала за новым конюшим. Она знала его еще юношей в Шарварском замке на равнинах Нижней Венгрии, но прошло уже тринадцать лет с тех пор, как она видела его мальчишеское лицо.

Он повзрослел – окреп физически и приобрел уверенность в себе. Ее первое воспоминание о Яноше рисовало молчаливого мальчишку, попивающего пиво в углу, пока их отцы обменивались сплетнями, похлопывая друг друга по спине.

Но это было еще до того, как он стал ее лучшим – самым верным – другом детства. Этот мальчик научил ее ездить верхом.

Теперь она смотрела, как он уверенно разговаривает со стражником, несмотря на свое безбородое лицо.

Отец Яноша Анастатиуш Силваши – конюший графа Надашди – был близким другом ее отца Алеша Бенде. Алеш работал в замке кузнецом, и конюший особенно ценил его искусство в подковывании лошадей из обширной графской конюшни. Сильваши и отец Зузаны вместе участвовали во многих походах на турок. Обслуживая Надашди и его кавалерию, Бенде следил, чтобы кони были всегда хорошо подкованы.

Всем было известно, что конюший, разделяя скудную трапезу с семьей, любил погружать черпак в бочку с пивом. А брат Зузаны, Ладислав, за свою короткую жизнь уже успел поработать в конюшнях и был его любимым конюхом.

– Твой брат умеет обращаться с лошадьми, – говорил старший Сильваши. Он щекотал маленькую Зузану под подбородком, несмотря на ее изрытую оспой кожу и глубокие рубцы, сажал к себе на колено и качал, будто она скачет на пони. Девочка визжала от восторга. Ничего на свете она так не любила, как лошадей.

– Думаю, мой сын Янош тоже имеет дар, но время покажет. – Конюший Сильваши брал Яноша с собой, и не по возрасту серьезный мальчик молча слушал, как двое мужчин, кузнец и конюший, обменивались новостями о коневодстве, о вторгшихся турках, о политике Габсбургов и об участии рода Батори-Надашди в австро-турецкой войне.

Зузана, которой было тогда всего пять лет, смотрела через комнату на мальчика. А тот не обращал внимания на малышку, к тому же с изуродованным лицом.

– Ты что, свалилась в яму с углями? – однажды спросил он ее.

– Нет, – в замешательстве ответила она. – С какими еще углями?

Мальчик протянул к ее лицу левую руку, и впервые она увидела белый шрам у него на краю ладони.

Янош, пощупав край глубокой оспины у нее на лице, печально рассматривал рубец. Схватив за запястье, Зузана убрала его руку от своего лица.

Детскими пальчиками она ощупала свою кожу, выгнув шею и опустив подбородок.

– Мама говорит, что это оспа. Меня спасли ангелы.

– Ангелы? Нет, это, наверное, чье-то колдовство спасло тебя от смерти. Ты просто родилась счастливой.

Янош Сильваши стал единственным, кто назвал ее счастливой.

* * *

На следующее утро Зузана проснулась от страшного холода. Глотать было ужасно больно, из носа непрерывно текло, и она вытирала его тряпкой.

Как я смогу прислуживать графине в таком состоянии?

Она напудрила свой распухший и покрасневший нос и засунула в передник тряпку, всеми силами стараясь не шмыгать носом.

Графиня уселась на свое кресло с высокой спинкой для совершения утреннего туалета и в зеркало посмотрела на служанку.

Зузана не удержалась и чихнула, подняв руки, чтобы закрыть лицо.

– Что такое? Зузана, ты заболела! Как ты посмела приблизиться ко мне в таком состоянии?!

– Извините, графиня.

– Я не позволю тебе прислуживать мне с таким шмыгающим носом и слезящимися глазами, – проговорила та и пальцем указала на дверь. – Прочь, сейчас же! Поработай на кухне, наноси воды, затопи очаг. Делай все, что велит повариха Брона.

– Да, графиня.

– Вернешься, когда полностью выздоровеешь. И ни минутой раньше.

– Но кто же будет прислуживать при вашем туалете?

Графиня помолчала в нерешительности. Провела пальцем по лицу, рассматривая в зеркале кожу.

– Пришли сюда Виду. Пусть прислуживает мне, пока ты снова не поправишься.

Зузана побежала по холодному коридору за Видой. Та еще валялась на своем тюфяке, в ее черных волосах застряла солома.

– Скорее просыпайся! Причешись. Сегодня утром тебе выпала честь прислуживать при утреннем туалете графини.

Вида еле встала на ноги, и Зузана увидела, как ее лицо исказилось страхом.

– Я! Ухаживать за кожей графини? Но она велела никогда больше не подходить к ней...

– Я разложила все мази и пудры. Могу тебя научить. Сначала берешь клочок шерсти ягненка и очищаешь кожу маслом из серой амбры...

– Зузана! Я ведь слышала, как она набрасывается на тех, кто ей не по нраву. Однажды она в кровь расцарапала лицо девушке, которая случайно дернула ее за спутавшуюся прядь волос.

– А ты не дергай. Ты должна без умолку говорить комплименты, развлекать ее, потакать во всем перед зеркалом. После масла из серой амбры – береги его, оно дорогое – приложи специальную грязь, что я приготовила в малиновом стеклянном кувшине. Эта грязь делает кожу белой. Оставь ее на четверть часа, чтобы грязь сотворила свое чудо. Потом смой розмариновой водой. Она в синей фляжке. Потом...

* * *

Собравшись с духом, Вида подошла к двери, ее сердце было готово выпрыгнуть через горло.

– Графиня, я имею удовольствие...

– Где ты болталась столько времени?! Огонь в камине погас. Я замерзла и, вероятнее всего, заболела, как та несчастная изъеденная оспой девка, что оставила меня здесь.

– Госпожа, я пришла тотчас же, как только усвоила все наставления Зузаны, – побелев, проговорила Вида. Она поспешила к камину и подкинула на еле тлеющие угли сухого хвосту. – Сейчас разгорится, – сказала девушка, раздувая огонь.

– Эй, девка, принеси мне скорее горностаевый мех! – велела графиня, поеживаясь.

Вида посмотрела на угли, все еще тусклые и не желающие разгораться. Веточки хвоста только дымили. Графиня закашлялась и замахала рукой, отгоняя дым.

– От тебя действительно никакого толку. Мои меха, сейчас же...

– Да, графиня.

Вида открыла кедровый сундук и, вытащив гладкую меховую мантию, обернула ею плечи Эржебет.

Батори увидела в зеркале, как мягкие белые руки служанки поправляют мантию, и при этом слегка коснулись ее руки.

Маленькие белые руки, упругие от своей юности. Белые, как фарфор. Совершенные, как у куклы.

Она посмотрела на свои и спрятала их под горностаевой мантией.

– Неуклюжая девка! Как посмела ты коснуться меня своими мужицкими руками?

– Простите...

– Принеси мне горячего пряного вина. Кипящего, дымящегося. Сейчас же!

– Да, графиня.

Графиня Батори рассматривала в зеркале лицо девушки. Ее кожа была безупречна и влажна, как у многих словацких служанок. Щеки разругались от возни у камина. Молодая грудь трепетала, как раненая птица, которую графиня однажды, еще девочкой, держала в руке. Птичка налетела на свинцовое стекло замка в Эчеде, где графиня жила в детстве.

Она держала птичку в руках и рассматривала ее. Потрясенная птица открытым клювом хватала воздух. Через несколько мгновений она пришла в себя и часто задышала от страха. Эржебет сжала ее и улыбнулась, ощутив пальцами биение маленького сердечка.

Глаза графини похолодели, и их янтарный цвет напугал служанку.

Она все сильнее сжимала птичку, пока крохотное сердечко не остановилось.

– Разве я не велела тебе разжечь огонь? Не говорила, что замерзла до костей? Что с тобой, глупая, тупая девка? – прошипела она. – Будешь наказана. Я скажу поварихе Броне, чтобы не давала тебе есть. Ты кажешься мне слишком толстой и ленивой.

– Да, графиня. Я разожгу огонь и попрошу принести горячей *медовины*, чтобы прогнать холод.

Девушка опустила на колени у камина и стала что было сил раздувать огонь. Хворост разгорелся. Она стала подкладывать одну за одной хворостины, а потом выбежала в дверь.

За дверью она наткнулась на Зузану.

– Она терпеть меня не может! – заплакала Вида. – Она велит поварихе уморить меня голодом.

– Я все слышала, – сказала Зузана, вытирая нос промокшим носовым платком. – Я все время прижимала ухо к двери.

– Тогда принеси *медовины*, скорее! – воскликнула Вида. – Мне нужно вернуться, пока огонь снова не погас.

– Сначала масло из серой амбры, – через плечо крикнула Зузана, убегая по коридору. – Следи за всем, что делаешь, и не капни чем-нибудь на ее горностаевую накидку, а то тебе крышка!

Глава 16

Аспен, штат Колорадо

8 декабря 2010 года

– Интересно, что ты делаешь во время солнцестояния? – спросил Кайл, останавливаясь у шкафчика Дейзи. – Что делают готы в свой особый праздник?

Дейзи не встречала его с тех пор, когда он врезался в нее на Рио-Гранде-трейл.

– Тебя ведь зовут Кайл? Верно?

Он покачал головой.

– Ты и так *знаешь*. Мы с августа учимся в одном классе. Не дури!

Дейзи обиженно задрала подбородок. Неужели он предполагал, что она помнит его имя? У них ведь ничего общего. Он спортсмен, она готка. И точка.

– И все-таки ты не ответила на вопрос. Что ты делаешь?

– В солнцестояние? Парень, до него ведь еще пара недель.

– А вообще что вы, готы, делаете?

– Да ничего особенного, – ответила она, захлопывая свой шкафчик. – Слушаем музыку, можем встречаться с друзьями-готами. Сидим дома и канализируем энергию.

Он вроде бы был разочарован, и Дейзи не поняла, почему ее это задело.

– В полночь идем на кладбище, – сочинила она.

Его лицо просветлело. «Как долбаная рождественская елка», – подумала девочка.

– Эй, а можно пойти с вами?

Дейзи многозначительно покосилась на него. «Какого хрена?» – явственно говорил ее взгляд.

– Зачем? Ты не из готского сообщества, – произнесла она вслух

– Может быть... но мне любопытно. И я читаю твой блог про все эти готические дела.

У Дейзи отвисла челюсть, отчего густой белый макияж сморщился. Что этому парню известно про нее? И почему он заинтересовался?

Дейзи огляделась, не слушает ли их кто-нибудь посторонний.

На них выразительно поглядывали две общительные девочки, но они были слишком далеко, чтобы расслышать разговор.

– А что это за ненормальную книгу ты скачиваешь, со всеми этими расчерченными картинками? – шепнул он, наклонившись так близко, что она ощутила запах тропических фруктов от его жвачки.

– «Красная книга».

– Это какое-то извращение – все эти иллюстрации. Дикие краски. Слушай, а он не ширялся или что-нибудь такое?

– Может быть, он был «ненормальным», когда рисовал их. Он исследовал свою психику и свою душу.

Ничего не сказав, Кайл посмотрел в ее накрашенные глаза.

– Я хочу провести солнцестояние с тобой.

– Со мной? Ты уверен?

– Да. Уверен.

– Почему бы и нет? – сказала Дейзи. Ее клык вылез на губу, и она изо всех сил старалась не улыбнуться.

* * *

Бетси подавила зевок. Ее полет из Нью-Йорка задержали на четыре часа из-за очередной снежной бури.

Ожидая, когда Дейзи придет на сеанс, она вынула из кармана и положила на стол карту с Девяткой Мечей. От вида рыдающей девушки по спине пробежали мурашки.

– Что это? – спросила Дейзи, бесшумно проскользнув в дверь.

Бетси подскочила и, схватив карту со стола, спрятала ее в ящик стола.

– Ничего, так...

– Это карта Таро, верно? Девятка Мечей. Бетси, будьте начеку! Особенно после того, как тот кошмарный тип вломился в дом...

– Давай забудем про тот эпизод, – сказала Бетси. – Это не имеет к тебе отношения.

Тут она увидела в руке у пациентки бежевую книгу.

– Что там у тебя?

– Это «И цзин»³⁴. Типа готический бестселлер. Так или иначе, я прочитала предисловие. Вы знаете, что его написал этот ваш парень? Карл Юнг.

– Нет. То есть да! Я забыла, что это он написал предисловие.

– Я думала о своих снах и теории синхронии Юнга, – сказала Дейзи. – Я много чего просмотрела в Интернете. Мне и в голову не приходило, что Юнг был таким потрясным чуваком.

– И зачем ты принесла «И цзин»? – спросила Бетси. – Сейчас у тебя час терапии, Дейзи. Присядь.

Она не села, а на лице у нее возникла загадочная улыбка, под которой открылся кривой клык.

– Ой, только не говорите мне, что знаете про доктора Юнга все, – ответила она и хлопнула ладонью по книге. – Он страстно верил в совпадения.

– В синхронию, – поправила Бетси. – У него есть труд «Синхрония: принцип беспричинной связи».

– Да, верно. Помните, вы мне про это рассказывали?

Разве она говорила?

– Вы мне говорили, что синхрония – это вроде совпадения. Как монеты или кости, выпадающие определенным образом с практически нулевой вероятностью. Или колесо рулетки, останавливающееся снова и снова на одном и том же числе. Или принцип, на котором основаны карты Таро. Многозначительные совпадения. «У-у, у-у, у-у!» – она издала комический зловещий вой и зашевелила нарисованными черными бровями.

Беседа вызывала тревогу, но, взглянув на забавное личико Дейзи, доктор Пэт рассмеялась.

– И какое отношение это имеет к терапии, Дейзи?

– Вы не объяснили, что этот парень Юнг был крутым чуваком. В оккультизме, мандалах и буддизме. И прошлых жизнях.

Бетси задумалась. Почему внезапный интерес Дейзи к Карлу Юнгу вызывает у нее тревогу?

– Он верил в исследование бессознательного, Дейзи. В то, что, исследуя мир твоего бессознательного, можно узнать причины твоего поведения, твоих верований и страхов. Юнгианский анализ...

³⁴ «И цзин», или «Книга перемен» – древняя китайская книга, состоящая из 64 гексаграмм и предназначенная для гадания.

– Нет, он был *гот*. Он верил в мир духов. Призраков. В шепот прошлого... – Дейзи величественно выпрямилась. – Он верил в коллективное бессознательное вселенной...

Она откинула назад свои эбеновые волосы и страстно встряхнула головой. Потом открыла «И цзин» и ткнула пальцем в предисловие.

– Да, Бетси, верил! Верил в призраков. А коллективное бессознательное? *Здрасьте!* Совершенный гот. А дикие видения...

– Юнг испытывал «угрозу психоза», как он это назвал, – осторожно сказала Бетси. – Это было для него мрачное время, он тогда утратил восприятие реальности.

– Что такое реальность? – спросила Дейзи. – Это реальность – когда слышишь призраков или без всякой причины захлебываешься собственной слюной?

Бетси заерзала в своем кресле, отчего скрипнули старые половицы.

– Он просто потрясный чувак. Расскажу о нем всем моим друзьям-готам.

Дейзи решительно захлопнула книгу, и этот хлопок разнесся по всей комнате. Ринго вопросительно взглянул на нее своими карими глазами.

«Навязчивая идея», – подумала Бетси. Ее пациентка, похоже, помешалась на Юнге.

– Хорошо. Ты изложила свою точку зрения, Дейзи, – сказала она, и в ее тоне начинало сквозить раздражение. – На меня произвели впечатление твои исследования и то, сколько времени ты потратила на знакомство с Карлом Юнгом. А теперь пора приступить к нашему сеансу.

– Хорошо, Бетси, – ответила Дейзи, с победной улыбкой на напудренном белом лице падая в кресло с высокой спинкой. – Спрашивайте, что хотите.

Бетси кивнула.

Кто же эта сидящая напротив незнакомка, столь приветливая и открытая?

Глава 17

Карбондейл, штат Колорадо

10 декабря 2010 года

«Пора возвращаться», – послышался голос из темноты. Колыхание тяжелых одежд – тафта? Запах благовоний с оттенком розмарина.

Меня касается холодная рука, палец под подбородком. Я парализована.

Ответ на мой звонок.

Бетси проснулась от назойливого телефонного звонка.

– Алло...

– Здравствуйте. Это доктор Пэт?

– Да.

– Извините за столь ранний звонок. Это Стивен Кокс. Я декан исторического факультета в Чикагском университете. Ваш номер мне дала ваша мать доктор Грейс Пэт. Она говорила, что это для экстренных случаев.

Бетси быстро присела, высвобождая ноги из обмотавшейся простыни.

– Что стряслось? Что-то случилось с моей матерью?

– В общем, да. Потому я и звоню. Она должна была вчера вернуться, чтобы вести занятия, но ее нет. Мне сообщили об этом только сегодня утром, а то я позвонил бы вам раньше.

– Ее нет?

– Нет. Последний раз мы связывались, когда она по электронной почте прислала монографию для корректуры. Это было несколько недель назад.

У Бетси застучало в голове. Она заставила себя глубоко вдохнуть. А голос в трубке продолжал:

– Мы надеялись, что вы поддерживаете с нею связь...

– Несколько дней назад я получила от нее сообщение по электронке... Погодите, сейчас найду. – Она кое-как слезла с кровати и, сжимая трубку, открыла свой ноутбук.

Компьютер зашумел и ожил. Бетси щелкнула по своему почтовому ящику.

– Да, вот оно. От четвертого декабря, то есть шесть дней назад:

Извини, я не могу быть с тобой на «Диалогах о «Красной книге»» – знаю, тебе это понравится до глубины души. Завтра снова еду в Чахтицкий замок, а потом в Бецковский. В них жила графиня Батори.

Трубка ответила гробовым молчанием.

– И все? – наконец спросил декан. – Ни слова о возвращении в Чикаго?

– Нет, ничего. Лишь в конце приписка: «Я пришлю тебе открытку, дорогая».

Снова молчание. Потом декан заговорил:

– Она проводит исследования в Словакии и Венгрии. В середине января – срок сдачи ее книги.

– Я знала, что мать занимается исследованиями, но понятия не имела, над чем она работает.

– Разве она вам ничего не говорила? У нее был договор на публикацию книги «Графиня Батори: Исследование обезумевшей женщины».

Бетси зажмурилась от утреннего света, проникавшего сквозь японские бумажные жалюзи. Спальню заливал жуткий розовый свет.

– «Исследование обезумевшей женщины»? Что же здесь исторического? Она же историк, а не психиатр.

– Она говорила мне, что название предложил издатель. Дело в том, что она изучала в Восточной Европе эпоху графини Батори. У нее был назначен на эту неделю специальный недельный семинар о габсбургской династии. Не могу представить, почему она не написала и не позвонила. Ее ждут сто двадцать студентов.

– Это не похоже на мою мать. Она бы никогда не пропустила занятий без...

Со щелчком включился обогреватель, скрипнули половицы. По оконному стеклу скребла ветка.

Бетси поняла, что прервалась на полуслове. В трубке слышалось тихое жужжание.

– Да, да, – наконец заговорил декан. – Потому-то я и забеспокоился.

* * *

Бетси уселась за компьютер и принялась просматривать электронную почту. На экране отражалось восходящее солнце.

Мама, в какое дерьмо ты на этот раз вляпалась?

Ее мать никогда не расписывала подробно свои маршруты, и ее сообщение с упоминанием о графине Батори было единственным ключом, чтобы понять, куда она направилась.

В Интернете Бетси нашла сотни упоминаний о графине Батори; одни звали ее Элизабет, некоторые Альжбета или Эржебет – соответственно по-английски, по-словацки и по-венгерски. Графиня владела по меньшей мере дюжиной замков на землях, ныне принадлежащих Австрии, Венгрии и Словакии, но ранее являвшихся частью Священной Римской империи под властью Габсбургов. Венгерское королевство было лишь тонкой дугой, узкой полоской на территории огромной империи. Более двух третей некогда могучей Венгерской державы либо стали частью Трансильвании, либо подпали под владычество оттоманских захватчиков.

На оставшихся землях Венгерского королевства графиня Батори имела владений больше, чем сам дом Габсбургов.

Бетси проверила два замка, о которых мать упоминала в своем сообщении: Чахтицкий и Бецковский. Оба уже превратились в руины. Они находились менее чем в пятидесяти километрах от Братиславы и примерно в пятнадцати километрах один от другого.

Почему она не говорила, что изучает Батори, хотя обычно занималась Габсбургами? Ее темой были Рудольф II и его младший брат Матьяш и их борьба за корону. С чего вдруг всплыла эта женщина Батори?

Бетси щелкнула на туристских статьях и выдержках из книг. В большинстве своем они описывали развалины в Чахтице у подножия Малых Карпатских гор.

А потом она прочла следующее:

«О Кровавой Лиз ходили слухи, что во время своего лютого правления она пыталась и убивала крестьянских девушек. Ее обвиняли в том, что она купалась в крови красивых юных девственниц, чтобы сохранить навеки свою юную внешность. Графиня Батори вместе со своим предком Владом Колосажателем³⁵ послужили прообразами для «Дракулы» Брэма Стокера».

³⁵ Более известен как Влад III Басараб, он же Влад Дракула и Влад Цепеш – князь Валахии в 1448, 1456–1462 и 1476 гг. (Цепеш и означает Кольщик, Колосажатель.)

Бетси заметила, что перестала дышать, и заставила себя глубоко вдохнуть, а наполнив легкие, попыталась успокоиться.

В каком извращенном психическом состоянии пребывала эта женщина? Охотиться на девушек и жаждать их крови! Может быть, это генетическая предрасположенность к психозу, переданная через поколения близкородственных браков среди аристократии?

По соседству залаяла собака. Ринго зарычал. Бетси посмотрела на окно, но бумажные жалюзи были опущены. Никто не мог ее видеть. Она снова повернулась к светящемуся компьютерному экрану.

Близ Чахтице не было никаких гостиниц, даже самых скромных. Это была крохотная деревушка у подножия гор. Ближайшие отели находились примерно в тринадцати километрах, в курортном городке Пьештяны, известном своими минеральными источниками. Бетси не могла представить, где же мать могла остановиться, и стала рассылать сообщения во все отели и гостиницы, какие только могла отыскать в районе Пьештян. А что еще оставалось делать? Непрерывное копирование текста и вставка его в новый запрос о шестидесятипятилетней женщине, преподавателе университета, путешествующей в одиночку, хоть как-то заняло ее. Ctrl-V, Ctrl-V, Ctrl-V... Вставить, вставить, вставить.

* * *

Почему ее мать заинтересовалась этой кровавой психопаткой-графиней?

Бетси просмотрела картотеку. Три раза она прошла все слова на букву «П», каждый раз все внимательнее.

И вдруг остановилась. *Ну конечно же!*

На букву «М» – Мама.

Она нашла нужную папку. Мама согласилась, чтобы дочь провела с нею один сеанс, но только один. Это было нечто вроде подарка по случаю окончания университета – рассказать сон, который Грейс хорошо запомнился.

Этот сон приснился ей в ночь перед рождением Бетси.

– Только не смей анализировать меня, Бетси. Я рассказываю тебе этот сон только потому, что вообще-то мне никогда ничего не снится. Наверное, его вызвало несварение желудка или первые родовые схватки.

Было ясно, что ей не терпится рассказать дочке этот сон.

Грейс была такой аналитичной, академичной, систематичной в своих исторических исследованиях, что история становилась чуть ли не точной наукой. Мать была столь не похожа на Бетси или своего мужа, что юнгианский мир с его толкованиями сновидений отметала как полную белиберду.

И вот Грейс принялась рассказывать.

Мне снилось, будто я плыву сквозь густые облака, обволакивающие горные вершины. Воздух чист; в долине реки наступил зимний день.

Внизу подо мной какая-то деревня. Сказочная, запорошенная снегом. Я вижу высокую церковь и деревянные домики с соломенными крышами. На улице играют розовощекие дети, хотя мне их не слышно. На них деревенские наряды прошлых веков: на мальчиках шерстяные шапки и штаны, девочки в платках и длинных передниках.

Я чувствую, что это Восточная Европа, но не слышу никаких голосов, никакого акцента, который бы это подтвердил. Такой беззвучный сон.

Поворачиваю к какому-то пруду. От воды поднимается белый пар, и на голых ветвях плакучих ив виден лед. Берестяные глаза берез обведены изморозью и смотрят торжественно.

Все сверкает в солнечных лучах, которые пробиваются сквозь туман, волнами поднимающийся от воды, и над прудом скользят призраки.

Берег окаймляет ломкая кромка льда, как иззубренная серебряная пластина на темной воде. За этой кромкой мирно плавают утки, то и дело ныряя, чтобы вытащить из-под воды пучок травы. Они словно не замечают холода и задирают к небу свои жирные гузки.

В этом мире зимней красоты я ощущаю необычайный покой.

И тут я вижу под водой ее: девушка, вся покрытая льдом, ее чистые голубые глаза открыты. Она смотрит, ничего не видя, и ее длинные волосы искрятся льдом. Такое впечатление, что она пыталась сорвать с себя одежду, ее корсаж разорван. И розовое пятно расплывается над грудью, резко контрастируя с белой кожей.

Все в ней прекрасно. Кроме того, что она мертва.

Бетси содрогнулась и закрыла глаза.

Где же ты теперь, мама?

Глава 18

Карбондейл, штат Колорадо

10 декабря 2010 года

Бетси позвонила в американское посольство в Братиславе и спросила, как найти пропавшего человека.

– Она зарегистрировалась в посольстве? – спросил скучающий мужской голос. В трубке послышался писк входящего электронного сообщения.

– Нет, но она въехала в Словакию по американскому паспорту.

– Имя, пожалуйста? – пробубнил голос.

Бетси поняла, что этот человек не собирается помогать. Она знала этот тип людей, этот тон... желание поскорее избавиться от нее, чтобы снова войти в свой аккаунт на «Фейсбуке».

Но пришлось сообщить ему мамины имя, возраст, описание внешности.

– Она проводила научные исследования в районе Братиславы, вероятно, также в Чахтице и Бецкове.

– У меня нет записи о ее регистрации в посольстве. Она планировала остаться в Словакии больше месяца?

– Думаю, недель на шесть.

– В таком случае ей следовало зарегистрироваться в посольстве, – сказал голос порицающим тоном. – У меня нет записи о ней.

– А вы можете сказать, как ее найти? Можете связаться с братиславской полицией или полицией в Чахтице или Бецкове?

– Нет, таких услуг мы не оказываем. Кроме того, это может нарушить ее гражданские права.

Бетси крепко сжала трубку.

– Ее что?

– Доктор Пэт могла решить остаться в Словакии, никому не сообщая об этом. Мы должны защищать права американских граждан.

– Вы знаете, что вы законченный идиот?

– Простите?

– Нет, не прощуй! – сказала Бетси, нажимая на телефоне кнопку конца связи.

Она схватилась за голову.

Что же делать? Никого из родных на помощь не позовешь: отца в живых нет, а у матери она единственный ребенок...

Бетси достала старую, потрепанную записную книжку и набрала номер, который давно расплылся от слез.

– Алло?

– Джон? Это Бетси.

Повисла неловкая пауза.

– Бетси? У тебя все в порядке?

Вот дерьмо! Зачем она звонит своему бывшему?

– Нет! Нет! У меня не всё в порядке. Мама пропала в Словакии; после отпуска она не пришла на занятия своего первого курса. Мне звонил декан. Он ничего не слышал от нее...

– Спокойнее, Бетси. Твоя мама пропала в Словакии?

– Я так и сказала.

Пауза. Она терпеть не могла эти паузы, потому что чувствовала, что он думает, обрабатывает информацию. Такой рациональный, черт бы его побрал!

– Может быть, у нее есть на то причина.

Причина! Причина для чего? И вдруг все ядовитые потоки, текшие в ней во время развода, вернулись обратно.

– Джон! Нет никакой *причины*, кроме той, что с ней стряслась какая-то беда.

Снова пауза.

– Бетси, возьми же себя в руки. Подумай. Какие сообщения она оставила?

Глубокий вздох.

– Не так много. По электронке я получила от нее сообщение о том, что она собирается навестить в замок графини Батори в окрестностях Братиславы.

– Какой еще графини?

– Батори – была такая садистка, жила в начале семнадцатого века.

– Исторические исследования... Ладно, это звучит логично.

В этом он весь, ее бывший. Его математический ум отфильтровывал все, оставляя факты. Бетси казалось, что она слышит, как жужжит его мозг – компьютер, включившийся после спящего режима.

– Она писала книгу – и ничего мне об этом не говорила. Она всегда занималась Габсбургами и венгерско-турецкими войнами. С чего это она вдруг решила написать про какую-то психопатку, чудовище?

– Психопатку? Чудовище?

– Эта Батори убила сотни молодых женщин. А пытала еще больше.

Он присвистнул.

– Не похоже на конек твоей матери.

– А теперь она пропала.

– Ты звонила в американское посольство?

– От них никакого толку.

Снова молчание.

– Хочешь, я приеду к тебе?

– И что ты тут будешь делать?

– Ну... Буду рядом с тобой, Бетс. Ты, похоже, не можешь взять себя в руки.

– Я должна что-то предпринять.

– Что? Что ты собираешься делать?

– Я... Ой, Джон. Я не знаю.

– Подожди день-два. И...

– И что?

– Давай я все-таки приеду к тебе.

* * *

Бетси просмотрела свой календарь в компьютере и принялась отменять все приемы и встречи на следующие две недели. Пока она ждала, когда очередной пациент возьмет трубку, или выслушивала автоответчик, чтобы оставить сообщение, ее пальцы летали по клавиатуре в поисках авиарейса в Братиславу.

Разумнее было бы полететь в Вену, а оттуда отправиться на поезде – он отходит каждый час, за пятьдесят минут пересекает австрийскую границу и прибывает в столицу Словакии.

Добравшись в своем календаре до имени Дейзи, Бетси замерла в нерешительности, потом подумала: «Ее матери позвоню в самом конце».

Она лихорадочно соображала, что делать. Меньше всего ей хотелось сегодня принимать пациентов, но Бетси напомнила себе, что и у них свои беды, и ее долг – работать с ними, помогать им..

К полудню она выбилась из сил. Каждые тридцать секунд между приемами проверяла электронную почту. Ничего. Бетси рухнула на компьютер и заплакала.

– Бетси! Что с вами?

Дейзи вошла незаметно. Бетси не слышала, как открылась дверь, и Ринго не залаял и не пошевелился. Теперь он завилял хвостом.

Бетси подняла голову и попыталась принять профессиональный вид. Пациент должен как можно меньше знать про личную жизнь своего врача...

– Ой, извини, Дейзи. Я не слышала, как ты вошла. Ведь еще рано?

Она вытерла глаза рукавом. Джон был прав, подумалось ей, она совершенно не может взять себя в руки. А потом заметила у себя на плече шелковый черный рукав – как будто ее обняла Мортиция из «Семейки Аддамсов». Бетси ощутила запах духов, что-то древнее, такими душилась ее бабушка... «Уайт шолдерс»? «Беллоджия»?

Дейзи положила что-то на стол рядом с собой, а потом снова обняла своего психоаналитика.

– Ничего, Бетси. Не знаю, что у вас случилось, но все будет хорошо.

Неужели это та самая девочка, которая замыкалась перед ней в непроницаемом молчании всего несколько недель назад?

– Это вы из-за того типа, что проник в дом? Жаль, что мы дали ему сбежать. Когда я закричала, он тут же смылся.

– Спасибо, – сказала Бетси. – Он мог тебя ударить. Нет, насколько могу судить, ничего не пропало. Но пришлось долго наводить порядок.

Она отчаянно пыталась напустить на себя профессиональный вид...

Черт, черт, черт! Рыдающий психоаналитик. Какой провал! Перед ней встало строгое лицо отца, с упреком смотрящее на нее.

Никогда не подключай к лечению собственную персону³⁶. Ты – черный экран, посредством которого пациент фокусируется на себе самом.

Дейзи погладила Бетси по щеке, вытирая пальцами слезы.

Та отодвинулась, униженная.

– Дейзи, я, наверное, подхватила грипп. Извини. Я думаю... Пожалуй, нам придется отменить сеанс.

– О!

Бетси заметила, как девушка отшатнулась и замерла. Она казалась испуганной.

³⁶ Персона – внешний компонент структуры личности в работах Карла Юнга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.